

ЖЕНСКИЕ
ТАИНЫ

Последняя королева

К. У. ГОРТНЕР

Отличная новинка в жанре «королевской» исторической прозы.

Library Journal

АЗБУКА

Женские тайны (Азбука-Аттикус)

Кристофер Гортнер
Последняя королева

«Азбука-Аттикус»

2006, 2008

Гортнер К. У.

Последняя королева / К. У. Гортнер — «Азбука-Аттикус», 2006, 2008 — (Женские тайны (Азбука-Аттикус))

Хуана Кастильская, единственный выживший ребенок королей-католиков, получила богатейшее наследство, которое, как принято считать, оказалось для нее непосильным бременем. Веками ее судьба оставалась загадкой для пытливых умов. Кто же она на самом деле, просто слабохарактерная и обезумевшая от горьких потерь женщина или мудрый и смелый политик, опередивший свое время? Была ли справедлива история к властительнице, поклявшейся спасти корону и поднять Испанию из руин, чего бы ей это ни стоило?

Содержание

Тордесильяс, 1550	6
1492–1500. Инфанта	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

К. У. Гортнер

Последняя королева

Моей матери Маравильяс Бланко и моему покойному отцу Уиллису Олвэйсу Гортнеру II – за Испанию, пожизненное увлечение книгами и упорное стремление к цели

А также Эрику, верившему всегда

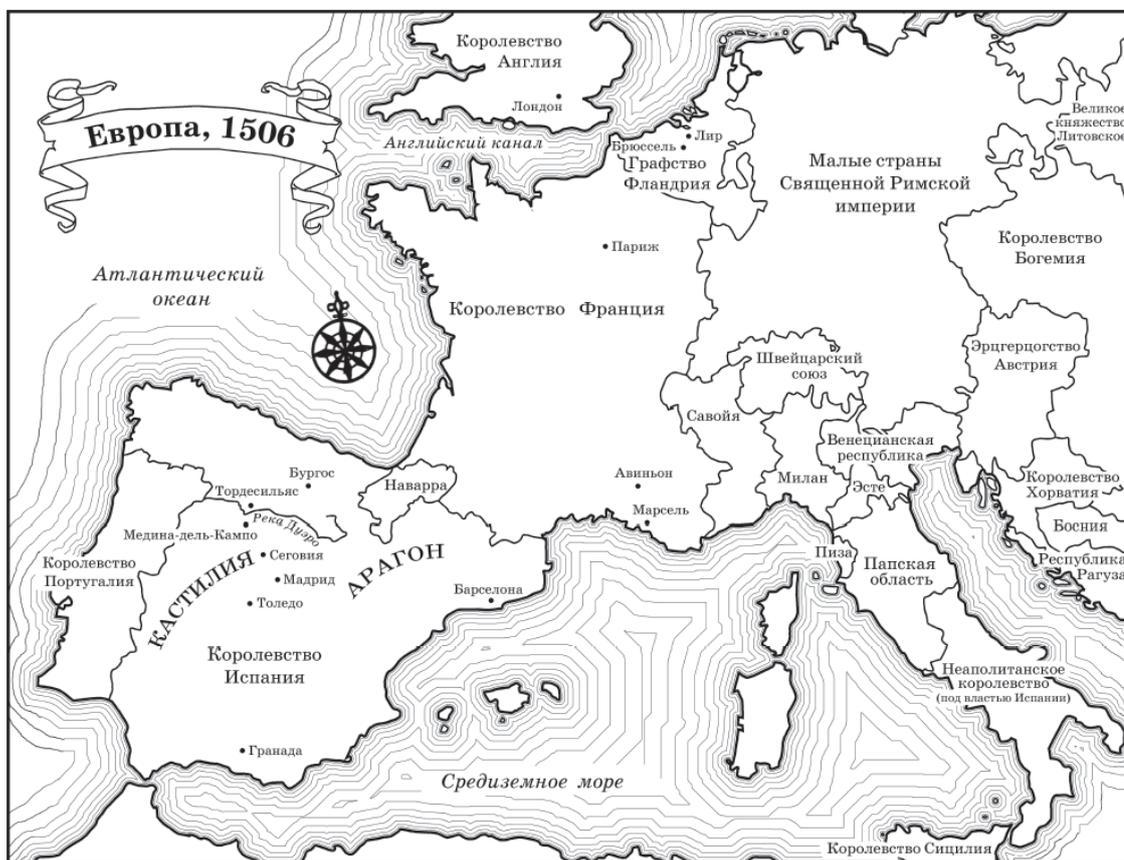
Copyright © 2006, 2008 by Christopher Willis Gortner

© К. Плешков, перевод, 2015

© Ю. Каташинская, карта, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Тордесильяс, 1550

Больше всего я теперь люблю полночь.

Звуки ночи не столь навязчивы, тени близки и знакомы. Стены вокруг исчезают во мраке, который рассеивает лишь пламя единственной свечи. Видимо, это проклятие смертных – мучительно осознавать, что время сжимается вокруг нас и мир никогда уже не покажется столь необъятным, открытым и непостижимым, как в юности.

Мне чаще других приходилось размышлять о течении лет. Но лишь в этот тихий час, когда все вокруг погрузилось в сон, мой взор ясен. Меня утешает мое знание, мой дар, который я не желаю тратить впустую на бессмысленные обвинения или никчемные сожаления. История, может, и не простит – но я должна.

И потому передо мной сейчас чистый лист, заостренное перо и чернильница. Рука моя почти не дрожит, а ноги не настолько болят, чтобы я не смогла сидеть в большом, пусть и слегка потертом кресле. Воспоминания живы и никуда не ускользают; они пробуждаются в памяти и манят меня, но нисколько не пугают. Закрыв глаза, я могу ощутить запах дыма и жасмина, огня и роз; вижу багряные стены моего любимого дворца, отражающиеся в детских глазах. Так все это началось – с падения Гранады.

Итак, сегодня ночью я запечатлеваю события прошлого. Все, что пережила и видела, все, что совершила, все тайны, которые скрыла.

Я помню все – ибо королева никогда не забывает.

1492–1500. Инфанта

*Принцы не женятся по любви.
Гаттинара*

Глава 1

Мне исполнилось тринадцать, когда мои родители завоевали Гранаду. То был 1492 год – год чудес, когда трехсотлетнее владычество мавров пало под ударами наших войск и расколотые королевства Испании наконец объединились.

Всю жизнь с самого рождения я провела в Крестовом походе. Мне часто рассказывали, как у матери начались схватки, когда она готовилась отправиться следом за отцом на осаду, и ей пришлось рожать в Толедо – что стало для нее лишь нежелательной помехой, ибо всего через пару часов, вверив меня кормилице, она вновь ринулась в бой. Заодно с братом Хуаном и тремя сестрами я с детства познала хаос королевского двора, который постоянно перемещался вместе с Реконкистой – Крестовым походом против мавров. Я засыпала и просыпалась под оглушительный лязг доспехов, рев выючных животных, тащивших катапульты, осадные башни и пушку, грохот бесчисленных повозок, нагруженных одеждой, мебелью, припасами и утварью. Мне редко доводилось насладиться ощущением мраморного пола под ногами или крыши над головой. Жизнь проходила в шатрах на каменистой земле, где испуганные учителя бормотали объяснения в ужасе от огненных стрел, свистящих над головой, и камней, сокрушавших оборону противника.

С завоеванием Гранады все изменилось – как для меня, так и для Испании. Горная цитадель была ценнейшей жемчужиной в венце исчезающего мавританского мира, и мои родители, Изабелла и Фернандо, их католические величества Кастилии и Арагона, поклялись скорее сровнять ее с землей, чем терпеть дальнейшее сопротивление язычников.

Как сейчас вижу, словно вновь стою у входа в шатер: ряды воинов по сторонам дороги, отблески зимнего солнца на их помятых нагрудниках и копьях. На исхудавших лицах нет следа усталости, – казалось, в этот миг они позабыли о бесчисленных лишениях и ужасах, что принесли им долгие десять лет сражений.

Меня охватила радостная дрожь. Я наблюдала за падением Гранады с безопасного места на вершине холма, где стояли наши палатки. Видела, как врезаются в городские стены обмазанные смолой горящие камни, как роют траншеи и заполняют их отравленной водой. Иногда, если ветер дул в нашу сторону, я даже слышала стоны раненых и умирающих. Ночью, пока город пылал, на тканевых стенах шатра играли зловещие отблески, и каждое утро, просыпаясь, мы находили угольную пыль на наших лицах, подушках, тарелках. Она была везде.

Едва верилось, что всему этому настал конец. Я вернулась в шатер и нахмурилась: сестры все еще сражались с одеждой. Проснувшись первой, я уже облачилась в новое парчовое платье, что заказала для нас мать. Пока я переминалась с ноги на ногу, наша дуэнья, донья Ана, вытряхивала плотные шелковые вуали, которые нам всегда полагалось носить на людях:

– Проклятая пыль! Даже в постель вьелась. Не могу дождаться, когда эта война закончится.

– Этот час настал! – рассмеялась я. – Сегодня Боабдиль отдаст ключи от города. Мама уже ждет нас на поле боя и... – Я не договорила. – Исабель, ради всего святого, ты что, и сегодня намерена ходить в трауре?

Из-под черного чепца яростно блеснули голубые глаза сестры.

– Что ты, еще дитя, можешь знать о моем горе? Потеря мужа – худшая трагедия, какую только может вынести женщина. Я всегда буду оплакивать моего любимого Альфонсо.

Исабель отличалась склонностью все драматизировать, и я не собиралась просто так этого оставлять.

– Ты же была замужем за своим любимым принцем меньше полугода, когда он свалился с лошади и сломал себе шею. Ты так говоришь только потому, что мама собирается обручить тебя с его кузеном. Если, конечно, ты когда-нибудь перестанешь вести себя словно безутешная вдова.

– Хуана, прошу тебя, – вмешалась Мария, не по-детски серьезная, хоть и была на год моложе меня. – Прояви уважение к чувствам Исабель.

– Пусть сперва проявит уважение к Испании. – Я покачала головой. – Что подумает Боабдиль, увидев инфанту Кастилии, одетую черной вороной?

– Боабдиль – язычник, – заметила донья Ана. – Его мнение никого не волнует. – Она бросила мне в руки вуаль. – Хватит болтать. Иди помоги Каталине.

Лицо дуэньи было кислым, словно свернувшееся молоко: испытания Крестового похода дорого дались ее старым костям. Я пошла к моей младшей сестре Каталине. Как и Исабель, наш брат Хуан и в какой-то степени Мария, Каталина напоминала мать – пухленькая и невысокая, с прекрасной белой кожей, светлыми волосами и глазами цвета моря.

– Ты прекрасно выглядишь! – Я приладила вуаль ей на лицо.

– И ты тоже, – прошептала в ответ маленькая Каталина. – *Eres la más bonita.*¹

Я улыбнулась. Каталине было всего восемь лет, и ей еще предстояло овладеть искусством комплимента. Она не могла знать, что ее слова вновь напомнили мне, как не похожа я на других детей в семье. Я унаследовала свою внешность от родственников отца, вплоть до янтарных глаз (один слегка косил) и немодного оливкового цвета лица. Я также была самой высокой из сестер, и только мою голову украшала копна вьющихся волос цвета меди.

– Нет, это ты самая красивая! – Я поцеловала Каталину и взяла за руку.

Вдали послышался громкий звук трубы.

– Быстрее! – поторопила донья Ана. – Ее величество ждет.

Мы вместе вышли на обширное выжженное поле, где уже возвели возвышение под пологом. Там стояла моя мать в розовато-лиловом платье с высоким воротником, с диадемой на голове. Как всегда в ее присутствии, я машинально слегка присела, пытаюсь скрыть свой рост.

– Ах, вот и вы! – Она махнула рукой в перстнях. – Идите сюда. Исабель и Хуана, становитесь справа от меня, Мария и Каталина слева. Вы опаздываете. Я уже начала беспокоиться.

– Простите нас, ваше величество. – Донья Ана присела в глубоком реверансе. – В сундуках полно было пыли. Пришлось проветривать платья и вуали их высочеств.

Мать окинула нас взглядом.

– Отлично выглядят. – Она нахмурилась. – Исабель, *hija mía*,² ты опять в черном? – Она перевела взгляд на меня. – Хуана, выпрямись.

Я подчинилась, и тут же снова запела труба, на этот раз намного ближе. Мать поднялась на возвышение к трону. На дороге, под развевающимися знаменами, возникла кавалькада грандов – высшей испанской знати. Во главе их ехал мой отец; черный камзол с красным плащом подчеркивал его широкие плечи. Под ним гарцевал андалузский боевой конь в попоне цветов Арагона – алой с золотом. Позади него ехал мой брат Хуан; его золотисто-белые волосы падали на покрасневшее худое лицо.

Воины встретили их радостным ревом.

¹ Ты самая красивая (исп.). – Здесь и далее примеч. перев.

² Дочь моя (исп.).

– Vive el infante! – кричали они, ударяя мечами о щиты. – Viva el rey!³

За ними торжественно следовали священнослужители. Лишь когда они достигли поля, я заметила среди них пленника. Люди расступились. Отец дал знак, человека на осле заставили спешиться и под всеобщий хриплый смех вытолкнули вперед. Он споткнулся и едва не упал.

У меня перехватило дыхание. Ноги его были босы и окровавлены, но во всей позе чувствовалось нечто царственное. Размотав грязный тюрбан, он отбросил его в сторону, и по плечам рассыпались черные волосы. Он оказался вовсе не тем, кого я ожидала увидеть, – калифом-язычником, который преследовал нас в ночных кошмарах, чьи орды со стен Гранады обливали наши войска горячей смолой и осыпали огненными стрелами. Высокий и худой, с бронзовой кожей, он шел через поле туда, где ждала моя мать, с высоко поднятой головой, словно кастильский гранд в роскошном одеянии в зале для приемов. Когда он упал на колени перед ее тронem, я на мгновение увидела его усталые изумрудные глаза.

Опустив голову, Боабдиль снял с шеи железный ключ на золотой цепочке и положил его у ног матери, признавая поражение.

Из воинских рядов послышались насмешки, аплодисменты и оскорбления. Боабдиль, взгляд которого выражал смесь нескрываемого презрения и крайнего отчаяния, бесстрастно дождался, когда шум утихнет, и лишь затем произнес заранее подготовленную просьбу о милости. Он замолчал, все взгляды обратились к королеве.

Мать встала. Несмотря на небольшой рост, дряблую кожу и постоянные синяки под глазами, в ее голосе, разнесшемся над полем, чувствовалась мощь повелительницы Кастилии.

– Я выслушала просьбу мавра и смиренно принимаю его объявление о сдаче. Я не намерена причинять дальнейших страданий ему или его народу. Они отважно сражались, и в награду я дарую всем, кто обратится в истинную веру, крещение и прием в лоно нашей Святой Церкви. Тем, кто этого не пожелает, будет дана возможность безопасно перебраться в Африку, при условии, что они никогда больше не вернутся в Испанию.

С замиранием сердца я увидела, как вздрогнул Боабдиль, и тут же все поняла. Это было хуже, чем смертный приговор. Он сдал Гранаду, положив конец столетиям мавританского владычества в Испании. Ему не удалось отстоять свою цитадель, и теперь он желал почетной смерти. Вместо этого ему предстояло жить побежденным, в изгнании, терпя унижения до конца своих дней.

Я посмотрела на мать: она удовлетворенно сжала губы. Она все знала и планировала заранее. Даровав мавру помилование, когда тот меньше всего этого ожидал, она уничтожила его душу.

С посеревшим лицом Боабдиль поднялся на ноги. К его коленям прилипла обожженная земля.

Гранды сомкнулись вокруг него и повели прочь. Я отвернулась: окажись он победителем, без колебаний предал бы смерти моего отца и брата, каждого гранда и рядового воина на этом поле. Он обратил бы в рабство моих сестер и меня, обесславил бы и казнил мою мать. Он и ему подобные слишком долго оскверняли Испанию. Наконец-то наша страна объединилась под одним скипетром, одной Церковью, одним Богом. Мне следовало радоваться победе над мавром.

Но отчего-то больше всего мне хотелось его утешить.

³ Да здравствует инфант! Да здравствует король! (исп.)

* * *

Мы вступили в Гранаду блистательной процессией. Впереди несли потертое распятие, которое прислал нам его святейшество папа римский, чтобы освятить языческие мечети. За нами следовали знать и духовенство.

Со всех сторон слышались нестройные рыдания. Еврейские склады с товарами запирались на замок. Благоухающие пряности, ярды шелка и бархата, ящики с целебными травами представляли собой истинное богатство Гранады, и мать приказала обеспечить купцам защиту от разграбления. Позднее она намеревалась описать, пересчитать и продать эти сокровища, чтобы пополнить казну Кастилии.

Я ехала вместе с сестрами и фрейлинами, глядя на разрушенный город и не веря своим глазам. Здания стояли пустые и обгоревшие. Наши катапульты целиком сровняли с землей стены, и над грудями разбитых камней поднималась вонь гниющей плоти. Я видела истощенного ребенка, который неподвижно стоял возле разлагающегося трупа какого-то животного, привязанного к вертелу, стоящую на коленях среди руин тощую женщину. В их пустых взглядах не чувствовалось ни ненависти, ни страха, ни сожаления, словно сама жизнь ушла из них.

Мы начали подниматься по дороге в сторону Альгамбры, легендарного дворца, построенного маврами во времена расцвета их славы. Не удержавшись, я приподнялась в седле и взгляделась сквозь пыль от копыт, чтобы первой увидеть знаменитые стены.

Послышался чей-то крик. Женщины вокруг меня натянули поводья, останавливая лошадей. Удивленно оглядевшись, я вновь посмотрела на дорогу впереди – и застыла.

В небо, подобно миражу, уходила высокая башня. На ее парапете виднелись несколько фигур в вуалях и тонких покрывалах, которые развевал ветер. Отблески света играли на золотых и серебряных нитях, которыми были вышиты их одеяния.

– Быстрее! – прошептала позади меня донья Ана. – Закройте девочке лицо. Ей нельзя это видеть.

Повернувшись в седле, я посмотрела на Каталину. Испуганный взгляд сестры встретился с моим, и в то же мгновение какая-то дама опустила на ее лицо вуаль. Вцепившись в поводья, я развернулась, и у меня вырвался крик ужаса: фигуры на парапете шагнули с него, словно собирающиеся взлететь птицы.

Дамы вокруг меня судорожно вздохнули. Фигуры на мгновение словно застыли в воздухе, сбрасывая вуали, а затем камнем устремились вниз.

Я закрыла глаза, усилием воли заставляя себя дышать.

– Видела? – сдавленно рассмеялась донья Ана. – Гарем Боабдиля. Они отказались покинуть дворец, и теперь мы знаем почему. Эти шлюхи-язычницы будут вечность гореть в аду.

Вечность...

Это слово эхом отдалось у меня в голове. Столь ужасного наказания я просто не могла себе представить. Почему они так поступили? Как они вообще смогли так поступить? Их хрупкие силуэты продолжали стоять у меня перед закрытыми глазами, и когда мы въехали в ворота Альгамбры, я не стала смеяться и показывать, как другие женщины, на растянувшиеся на камнях изломанные тела.

Родители, Хуан и Исабель умчались вперед вместе со знатью. Мы с Марией и Каталиной остались позади с нашими дамами. Держа Каталину за руку, я пыталась ее успокоить: сестра понимала, что случилось нечто ужасное. Я не сводила взгляда с цитадели. Лучи послеполуденного солнца падали на ее выложенный плиткой алый фасад, и она казалась кроваво-красной, будто обитель смерти и разрушения. И все же ее экзотический блеск приводил меня в неописуемое восхищение.

Альгамбра не походила ни на один из виденных мною раньше дворцов. В Кастилии королевские резиденции одновременно являлись крепостями, окруженными рвами и толстыми стенами. Мавританский дворец защищало горное ущелье, и он раскинулся, подобно льву на плоском камне, в тени кипарисов и сосен.

Донья Ана сделала знак Марии, и вместе с нашими дамами мы вошли в зал для приемов. Продолжая держать за руку Каталину, я огляделась, и сердце мое забилося сильнее. Только теперь я начала осознавать все великолепие мавританского мира.

Передо мной простиралось огромное пространство цвета шафрана и жемчуга. Вместо покрытых зарубками дверей, душных лестниц и тесных коридоров меня встретили резные арки, ведущие в залы с изогнутыми стенами с рисунком в виде сот, за которыми виднелись потайные мозаичные террасы. Под потемневшими от дыма занавесками всех возможных оттенков стояли на страже покрытые глазурью фарфоровые вазы; вокруг были разбросаны стеганные подушки и оттоманки, словно хозяева дворца только что ушли. Взглянув под ноги, я увидела на выложенном плиткой полу чей-то платок. Я побоялась до него дотронуться, ведь его могла обронить какая-то из наложниц по пути к башне, где ее ждала смерть.

Прежде я пребывала в невежестве. Никто не рассказывал мне, что язычники способны создать нечто столь прекрасное. Подняв голову, я взглянула на купол: вдоль края выстроились в ряд нарисованные лица умерших халифов и взирали на меня с молчаливым упреком. Я невольно пошатнулась: теперь мне стало ясно, почему наложницы выбрали смерть. Как и Боабдиль, они не могли вынести жизни без этого рая, бывшего их домом.

Моих ноздрей коснулся запах мускуса. Отовсюду слышалось непрерывное журчание воды, которая текла по каналам в мраморном полу, изливаясь в алебастровые бассейны и танцующая в фонтанах во внутренних двориках.

Я остановилась. Среди пилястров пронесся чей-то вздох, от которого у меня зашевелились волосы на затылке.

– Негмана,⁴ – прошептала Каталина, – что такое? Что ты услышала?

Я покачала головой, не в силах объяснить.

Кто бы мне поверил, если бы я сказала, что слышала горестный стон мавра?

⁴ Сестра (исп.).

Глава 2

На три волшебных года Гранада стала для нас гаванью, где мы спасались от внушавших ужас будней королевского двора. По завершении Реконкисты мать сосредоточила усилия на укреплении Испании и заключении союзов с другими монархами. Поездки все так же отнимали большую часть ее времени, но она сочла за лучшее, чтобы у нас было постоянное пристанище в летние месяцы, вдали от чумы и жары, ставших в Кастилии настоящим бедствием.

Через год после падения Гранады отпраздновали помолвку моей сестры Каталины со старшим сыном английского короля Генриха Седьмого. Событие напомнило мне, что я тоже была в детстве обручена с сыном императора Габсбургов, Филиппом Фламандским. Впрочем, меня это не слишком беспокоило. Из всех моих сестер действительно побывала замужем только Исабель, и помолвка, после которой она уехала в Португалию и вернулась вдовой меньше года спустя, стала для нее далеко не первой. Я знала, что мало какая из принцесс может сама решать свою судьбу, но мне не хотелось думать о будущем, которое казалось далеким и вполне могло измениться.

В Гранаде мой мир был полон девичьих надежд. После ежедневных уроков истории, математики, языков, музыки и танцев мы с сестрами часто шли на террасный дворик у края сада, где предавались извечному занятию женщин королевской крови – вышиванию. Наша задача, однако, была особенной, поскольку эти простые вышивки предполагалось освятить и послать для украшения церковных алтарей по всей Испании в качестве даров от инфант.

Из-за моей порывистой натуры я ненавидела шитье и в шестнадцать лет была практически не в состоянии хоть сколько-нибудь посидеть спокойно. Мои алтарные ткани, покрытые неумелыми узорами и запутавшимися нитями, годились только для мытья церковных полов. Обычно я лишь притворялась, будто вышиваю, а на самом деле пристально наблюдала за доньей Анной и дожидалась возможности сбежать.

Дуэнья сидела под колоннадой с книгой в руках, из которой читала вслух о страданиях какого-то святого великомученика. Вскоре ее голова начала клониться на грудь, а веки – трепетать в тщетной борьбе с сонливостью.

Когда глаза ее наконец закрылись, я подождала еще несколько минут, а затем отложила вышивание, сбросила туфли и осторожно поднялась с табурета. Мария и Исабель сидели рядом, обмениваясь какими-то секретами.

– Хуана, куда ты собралась? – прошипела Исабель, когда я прошла на цыпочках мимо, держа в руке туфли.

Не обращая на нее внимания, я сделала знак Каталине. Сестренка вскочила, уронив вышивание.

– Идем, *requerida*,⁵ – улыбнулась я. – Хочу кое-что тебе показать.

– Сюрприз? – Каталина поспешно скинула туфли, но тут же остановилась, прижав ладонь ко рту, и взглянула на донью Анну.

Дуэнья спала сном младенца. Сейчас ее разбудил бы разве что слоновий топот, и я подавила невольный смешок.

Мария, естественно, полагала, будто наступит конец света, если кто-то из нас хоть немного отклонится от предписанного нам образа жизни.

– Хуана, – возмущенно прошептала она, – ты простудишься насмерть, если будешь бегать босиком. Сядь. Тебе нельзя вести Каталину в сад без надлежащей охраны.

– Кто сказал, будто ее у нас нет? – возразила я и сделала пальцем знак.

⁵ Малышка (*исп.*).

Из-за колонн позади нас появилась стройная тень. Под тяжелыми веками блестели угольно-черные глаза, голову обрамляли кудри цвета воронова крыла. Несмотря на кастильское платье, вокруг девушки до сих пор ощущалась тень киновари и звенящих браслетов. Я улыбнулась, увидев, что она тоже босая.

Девушку звали Сорайя. Ее нашли спрятавшейся в гареме Альгамбры, и никто не знал, кто она – рабыня, которую бросили покончившие с собой наложницы, или дочь какой-нибудь из младших жен калифа. На своем арабском языке она умоляла смилостивиться над ней и охотно обратилась в нашу веру. Ей было не больше тринадцати лет от роду, и для нее не имело особого значения, какого бога почитать, лишь бы остаться в живых. Я упростила отца отдать ее мне в услужение, и он согласился, несмотря на возражения матери. Сорайя почти не отходила от меня, спала на матрасе в изножье моей кровати и постоянно следовала за мной, неслышно, словно кошка. Я проводила многие часы, обучая ее испанскому, и она быстро училась, но чаще предпочитала молчать. Ее окрестили распространенным христианским именем Мария, но она на него не отзывалась, и нам пришлось смириться с именем, данным ей при рождении.

Я ее просто обожала.

– Эта рабыня-язычница? – прошипела Исабель. – Какая из нее охрана?

Мотнув головой, я схватила Каталину и Сорайю за руки, и мы скользнули в сад. Сдерживая смех, пробрались в беседку из роз, что когда-то служила личным убежищем халифа. Сорайя знала сад как свои пять пальцев и множество раз водила меня сюда на запретные вылазки, и ей всегда было известно, куда мне хочется. На небе начали сгущаться фиолетовые сумерки. Заметив торопливый жест Сорайи, я метнулась вперед, едва не сбив Каталину с ног.

– Быстрее! Сорайя говорит, что нам нужно добраться туда до наступления ночи.

Я потянула Каталину следом за бегущей вприпрыжку Сорайей.

– Хуана... помедленнее, – задыхаясь, проговорила сестра. – Я не могу бежать так быстро. – Она остановилась и упрямо добавила: – У меня ноги болят. – Бросив на землю туфли, она сунула в них измазанные травой ступни. – Ты порвала юбку, когда мы шли через кусты. Это уже третья юбка за неделю. Донья Ана рассердится.

Я бросила взгляд на порванную юбку. Гнев доньи Аны несколько меня не волновал. Мы добрались до нижней части сада, и впереди показалась полуразрушенная стена на краю глубокого ущелья. Вдали возвышались усеянные пещерами холмы Сакромонте. Остановившись возле стены, Сорайя показала вверх.

Я подняла взгляд к аметистовому небу.

– Смотри!

Над нами вспорхнул одинокий силуэт. За ним последовал еще один, потом еще и еще. Мириады существ сплетали в воздухе кожистую сеть, не прикасаясь при этом друг к другу. Глаз не в состоянии был различить быстрые взмахи их крыльев.

Меня пробрала дрожь. Я знала, что они не причинят нам никакого вреда, но не могла избавиться от страха, хотя уже не раз видела их раньше.

Каталина прижалась ко мне:

– Что... кто это?

– Их я и хотела тебе показать. Это, *requēita*, летучие мыши.

– Но... но ведь летучие мыши злые! Донья Ана говорит, они гнездятся в наших волосах.

– Чепуха. Это всего лишь безобидные зверюшки.

Я не могла отвести взгляд, прикованная к месту их видом, и мне вдруг захотелось самой воспарить в воздух, ощутить кожей прикосновение сумерек.

– Смотри внимательно. Видишь, как они пролетают над нами, не издавая ни звука? Хотя скоро станет совсем темно, они никогда не заблудятся. – Я посмотрела на побледневшую Каталину и со вздохом опустила на колени. – Я тоже перепугалась, когда в первый раз их увидела.

Но они не обращали на меня никакого внимания, как будто меня вообще нет. – Я ободряюще улыбнулась сестренке. – Тебе нечего бояться. Летучие мыши едят фрукты, а не людей.

– Откуда ты знаешь? – дрожащим голосом проговорила она.

– Потому что я и раньше за ними наблюдала и видела, как они едят. Смотри.

Достав из кармана платья гранат, я надкусила его жесткую кожуру, обнажив блестящие рубиновые зерна. Выковыряв несколько штук, я подбросила их в воздух рядом с собой.

Летучая мышь спикировала вниз и подхватила падающие зерна. Я взяла Каталину за руку, и мы подобрались чуть ближе. Сестренка широко раскрытыми глазами разглядывала удивительное создание с пушистым, словно у крысы, тельцем и подвижными кожистыми крыльями. Вскоре над нами появилось еще несколько, так близко, что можно было почувствовать, как они рассекают воздух над нашими головами. Они опустились почти до самой земли, словно замерев в нерешительности, и я уже собиралась бросить им еще зерен, но Каталина сжала мою измазанную красным соком руку.

– Нет, – прошептала она. – Не надо.

– Но они же ничего тебе не сделают. Обещаю. Не бойся.

– Я... я не боюсь. Я... просто не хочу.

Меня тянуло подманить еще парочку этих созданий. Я уже экспериментировала раньше с зернами и не думала, что действительно сумею их привлечь. Но пока я размышляла, летучие мыши всей стаей взмыли в воздух, кружась в странном танце. Мы с Каталиной вскрикнули и отскочили назад, прикрывая голову. Увидев улыбку Сорайи, я рассмеялась.

– А ты все-таки испугалась. – Каталина яростно посмотрела на меня. – Ты подумала, что они могут нам что-то сделать.

– Да, – кивнула я. – Пожалуй, я не такая уж смелая.

Последние лучи солнца погасли. Летучие мыши носились туда-сюда, привлеченные влагой множества фонтанов Альгамбры. Обычно они летали так до прихода ночи, а потом уносились в сторону окрестных садов, к манящим спелым плодам.

Но не сегодня. Казалось, будто их что-то беспокоит и они не знают точно, куда лететь. Может, их встревожило наше присутствие?

– Возможно, они не столь уж безразличны к нам, как я полагала, – сказала я вслух.

Каталина посмотрела на меня. Летучие мыши разлетелись в стороны, словно листья, разбросанные внезапным порывом ветра.

Разочарованная, я направилась в сторону дворца. Сорайя скользнула ко мне и потянула за рукав. Я проследила за ее взглядом и увидела полосу из горящих факелов, которые несли рабы. Огни приближались к цитадели.

– La reina, – прошептала Сорайя. – La reina su madre está aquí.⁶

– Надо возвращаться. – Я неловко улыбнулась Каталине. – Мама приехала.

– Где вы были? – закричала донья Ана, едва мы вернулись. – Прибыла ее величество.

Схватив Каталину за руку и яростно глядя на меня, она знаком отослала Сорайю в наши покои и поспешно повела нас в посольский зал.

Мария и Исабель уже были там. Избегая пронизывающего взгляда Исабель, я остановилась рядом с Марией.

– Донья Ана была вне себя, – сказала она. – Зачем ее каждый раз так злить?

Я не ответила, глядя на заполняющих зал придворных и высматривая отца. Его там не оказалось, и сердце мое упало. Мать приехала в Гранаду одна.

В зал вошел архиепископ Сиснерос. Одежда францисканского монаха вилась вокруг его худых босых ног в кожаных сандалиях. Я вздрогнула: он был самым могущественным священнослужителем Кастилии, главой толедского престола и нашим новым верховным инквизито-

⁶ Королева. Королева, ваша мать, здесь (*исп.*).

ром, протеже Торквемады. Говорили, будто Сиснерос прошел в этих сандалиях весь путь от Сеговии до Севильи, благодаря Господа за наше избавление от мавров.

В это я могла поверить. Он всецело посвятил себя искоренению язычества в Испании, приказав обратить всех евреев и мавров в христианство или подвергнуть мучительной смерти. Многие предпочли бегство, лишь бы не жить среди шпионов и осведомителей: те самозабвенно выслеживали новообращенных, которые тайно продолжали исповедовать свою запретную веру. Матери пришлось слегка обуздать его пыл, когда он попытался собирать сведения о ее придворных, особенно еврейского происхождения. Тем не менее он приказал за один раз сжечь более сотни язычников – ужасная смерть для любого живого существа, независимо от веры. Мне казалось, от него пахнет серой, и я с облегчением вздохнула, когда он, не удостоив никого взглядом, прошел мимо и скрылся в вестибюле.

Почти сразу после этого появилась мать.

Она прошла среди кланяющихся придворных, в льняном чепце с завязанными под подбородком тесемками. После завершения Реконкисты она слегка располнела и предпочитала простую одежду, хотя сегодня ее платье украшала любимая сапфировая брошь с изображением уз и пучка стрел – эмблемы ее и отца.

Мы до полу присели в реверансе.

– Встаньте, *hijas*. Дайте мне на вас взглянуть.

Я вспомнила, что следует выпрямить спину и потупить взор.

– Исабель, – заметила мать, – что-то ты бледная. Пожалуй, тебе стоит поменьше молиться. – Она повернулась к Каталине, которая не смогла удержаться от невольного возгласа «мама!» и тут же покраснела. – Не забывай о манерах, – упрекнула ее королева.

А потом она шагнула ко мне, и я увидела за ее спиной Сиснероса.

Ее недовольство буквально придавило меня, тяжелое, будто наковальня.

– Хуана, ты что, забыла? Ты третья по старшинству и в отсутствие брата должна стоять рядом с Исабель.

– Прошу прощения, мама... – Я подняла взгляд, пытаюсь спрятать за спиной испачканные гранатовым соком руки. – То есть *Su Majestad*.⁷ Я... я опоздала.

Мать выпятила губы:

– Оно и видно. Поговорим позже. – Она отошла назад, обращаясь ко всем сразу. – Рада, что я снова вместе со своими дочерьми. Можете идти молиться и ужинать. Я нанесу визит каждой из вас, как только завершу дела.

Снова присев в реверансе, мы пересекли зал, прошли мимо низко кланяющихся придворных. Прежде чем выйти, я отважилась бросить встревоженный взгляд через плечо.

Мать отвернулась.

* * *

Меня позвали к ней после ужина. Я пошла вместе с Сорайей, и, пока я ждала на табурете в прихожей покоев королевы, служанка с медлительной грацией устроилась на подушке в углу. По возможности она всегда предпочитала стульям пол.

Дрожащий свет масляных ламп отбрасывал тени на потолок, сплетая замысловатый узор. Глядя на него, я нервно перебирала складки юбок. Сорайя помогла мне втиснуться в узкое придворное платье, которое как будто уменьшилось с того дня, как я надевала его в последний раз. Корсаж туго стягивал грудь, а край юбки едва доставал до лодыжек. С тех пор как в тринадцать лет у меня случились первые месячные, мое тело, казалось, развивалось по своей собственной воле. Ноги вытягивались, словно у жеребенка, а в тех местах, к которым донья Ана

⁷ Ваше величество (*исп.*).

запрещала мне прикасаться, вырос рыжеватый пушок. Сорайя заплела мне волосы и убрала под украшенную бисером сетку, и я до боли натерла щеки, тщетно пытаясь избавиться от веснушек: они выдавали мои частые вылазки на улицу без чепца.

Все это время меня не оставляли мысли о том, что ждет впереди. Мать редко приезжала в Гранаду в столь раннее время года; если она появилась в середине июня, значит что-то случилось. Я пыталась убедить себя, что я тут ни при чем: я не совершила ничего дурного, не считая побегов в сад, что вряд ли стоило считать серьезным проступком. И все-таки я волновалась, как всегда при встречах с матерью.

В дверях появилась давняя подруга и фаворитка королевы, маркиза де Мойя.

– Принцесса, – ободряюще улыбнулась она, – ее величество сейчас вас примет.

Маркиза всегда была добра ко мне и наверняка предупредила бы, если бы меня ждал выговор. Вновь набравшись уверенности, я вошла в покои матери. Дамы, разбиравшие сундуки, замерли в реверансе. Перед дверью спальни я остановилась, зная, что не могу войти без устного разрешения матери.

Небольшую комнату освещали жаровни и канделябры. Широкое окно в дальней стене выходило на долину. На столе громоздились книги и бумаги. На стене, бросаясь в глаза, висел потускневший и зазубренный серебряный меч Реконкисты, который несли перед матерью во время каждого сражения. В углу стояла кровать, наполовину скрытая резной ширмой из сандалового дерева. Голый мраморный пол лишь подчеркивал аскетизм королевы.

Я присела на пороге:

– Прошу разрешения войти в покои вашего величества.

– Разрешаю. – Мать появилась из тени возле стола. – Входи и закрой дверь.

Лица ее я не видела. Остановившись на подобающем расстоянии, я снова присела.

– Можешь подойти ближе, – сухо сказала она.

Я шагнула вперед, думая только об одном: насколько ей нравится мой нынешний вид. Хотя я была почти на ладонь ее выше, я все еще чувствовала себя маленькой девочкой, надеющейся на похвалу.

Мать шагнула в круг света от свеч:

– Что ты такое углядела, hiја, что так на меня тарачишься? – Видимо, она заметила мое волнение, и я тотчас же потупила взгляд. – Пора бы тебе оставить эту привычку. С самого детства ты так на все смотришь, будто его специально выставили на твое обозрение.

Она показала на табурет возле стола. Когда я села, она снова взглянула на меня:

– Ты знаешь, почему я тебя позвала?

– Нет, мама, – охваченная внезапным страхом, ответила я.

– Тебя следовало бы примерно наказать. Донья Ана сообщила мне, что сегодня днем ты оставила своих сестер и шитье и повела Каталину в сад. Как я понимаю, ты частенько исчезаешь подобным образом, никому ничего не говоря и без спроса. Зачем тебе это?

Вопрос застиг меня врасплох: она редко интересовалась моими личными делами.

– Иногда мне хочется побыть одной, – тихо пробормотала я. – Понаблюдать.

Мать села в мягкое кресло за столом.

– Что, во имя всего святого, может тебя так увлечь, что надо обязательно наблюдать за этим в одиночестве?

– Ничего особенного. – Про летучих мышей я ей рассказать, естественно, не могла: она никогда бы не поняла. – Мне просто нравится одиночество, и все. Меня всегда окружают слуги и учителя, а донья Ана постоянно донимает.

– Хуана, их долг – наставлять тебя, – твердо проговорила мать, наклонившись ко мне. – Когда ты поймешь, что не можешь поступать, как тебе хочется? Сперва было твое увлечение всем мавританским. Ты даже настояла, чтобы тебе служила та девушка-рабыня. А теперь эта

странная склонность к одиночеству. Наверняка есть какие-то причины для столь необычного поведения?

– Вряд ли в том есть что-то необычное. – Мои плечи напряглись.

– Вот как? – Она подняла брови. – Тебе шестнадцать лет. В твоём возрасте я уже сражалась за Кастилию и у меня не было ни времени, ни желания для проказ. И тебе следует от этого отучиться. Донья Ана говорит, что ты мятежна и своенравна, споришь с каждым её словом. Подобное поведение недостойно инфанты из дома Трастамара. Ты наследница королей и должна вести себя, как подобает в твоём положении.

В упреках матери не было для меня ничего нового, и все равно они больно меня укололи, словно она именно на это и рассчитывала. Как я могла сравнивать свою пока столь малозначительную жизнь с её достижениями? Удовлетворившись моим молчанием, она придвинула ближе свечу, открыла папку и достала лист пергамента:

– Это письмо тебе.

– От папы? – Я едва удержалась, чтобы не выхватить лист из её руки. – Он к нам приедет? И привезет Хуана?

Не успев произнести этих слов, я тут же о них пожалела.

– Твой отец и брат пока что в Арагоне. – Голос матери стал жестче. – Это письмо от эрцгерцога Филиппа. – Она протянула лист мне. – Прочти, пожалуйста, вслух. Оно на французском языке, на котором я предпочитаю не говорить.

Неужели она проделала такой путь лишь затем, чтобы привезти мне очередное утомительное письмо от двора Габсбургов? Я уже вздохнула было с облегчением, но тут же сообразила, что если мать приехала в Гранаду только ради этого, значит в письме есть нечто важное. Охваченная внезапной тревогой, я взглянула на пергамент в моей руке – дорогую мягкую кожу, выскобленную и размягченную до консистенции бумаги. Во всем остальном письмо ничем не отличалось от других, приходивших на протяжении многих лет, пока я не заметила зачеркнутые фразы, знак неопытности отправителя. Взглянула на подпись – изящную букву «Ф», украшенную печатью с орлом Габсбургов. Судя по всему, письмо было от самого Филиппа.

– Я жду, – напомнила мать.

Я начала читать, переводя на испанский:

– «Я получил письмо, которое недавно прислали мне вы, ваше высочество, и понимаю ваши чувства. Заверяю вас, что нет слов слаще для ушей любого мужчины, нежели ваши, и ничье обещание не может доставить удовольствия большего, чем ваше...»

– Что еще за письмо? – нахмурилась я. – Я никогда ему не писала.

– Да. Писала я. Продолжай.

Я вернулась к письму:

– «...тому, кто разделяет вашу преданность. Не могу передать своих искренних чувств, которые охватывают меня при мысли, что скоро я увижу ваше высочество. Молюсь, чтобы ваш приезд сюда и отъезд моей сестры Маргариты в Испанию состоялся как можно скорее, ради любви между нами и нашими странами».

– Он... он говорит о женитьбе. – Я подняла взгляд, внезапно все поняв.

– Совершенно верно. – Мать откинулась на спинку кресла. – Пришла пора тебе отправиться во Фландрию, чтобы выйти замуж за Филиппа, а его сестре Маргарите – приехать сюда и стать женой твоего брата. – Она помолчала. – Это все?

Я почувствовала, что мне тяжело дышать. Буквы плыли перед глазами.

– Там есть еще постскриптум от кого-то по фамилии Безансон. Он советует мне учить французский, так как на этом языке говорят при фламандском дворе.

– Безансон! – Мать поморщилась. – Может, он и архиепископ Фландрии, но его манеры чересчур французские, хотя он знает, как мы относимся к этой волчьей нации. – Взгляд её стал отрешенным. – Не важно. Францию достаточно скоро поставят на место. Их королевство

терзало нас многие годы, вторгшись в Арагон и оспаривая права твоего отца на Неаполь. Пора положить конец их наглости. – На ее губах промелькнула кривая улыбка. – Мы с императором Максимилианом договорились отказаться от приданого, учитывая нынешнюю стоимость перевозки, но после его смерти сын Филипп унаследует империю, а дочь Маргарита – несколько важных территорий в Бургундии. А когда твоя сестра Каталина выйдет замуж за английского наследника, мы станем еще более могущественной державой, с династическими связями по всей Европе, и Франция никогда больше не осмелится вмешиваться в наши дела.

Я сидела, словно прикованная к табурету. Как она могла говорить о политике, когда переворачивалось с ног на голову само мое существование? Она рассчитывала, что я покину дом и семью ради мужа и незнакомой страны, чтобы та могла нанести удар по Франции? Такого просто не могло быть. Не со мной.

– Но почему я? – Голос мой дрогнул. – Чем я такое заслужила?

– Ты говоришь так, будто это какое-то наказание, – сухо усмехнулась мать. – Не понимаю, почему для тебя это стало сюрпризом: ты ведь знаешь, что помолвлена с Филиппом с трехлетнего возраста. – Она пронзила меня взглядом. – Надеюсь, ты не забыла, насколько важно исполнить свой долг перед Испанией?

В ее голосе слышалась угроза, и впервые в жизни я позабыла, насколько неразумно и бесполезно спорить с Изабеллой Кастильской. Я думала лишь об одном: сама она никогда не покинула бы Испанию. Как она может ожидать подобного от меня?

– Не забыла. – Я подняла взгляд. – Но я не хочу выходить замуж за Филиппа Габсбурга.

– Могу я спросить почему? – Руки матери сжались на резных подлокотниках кресла.

– Потому что я... я его не люблю. Для меня он чужой.

– И все? Я не знала твоего отца, когда мы поженились, но это не помешало мне исполнить свой долг. За время нашего брака Испания объединилась под Господом. На первом месте был долг, но за ним вскоре пришла и любовь. Те, кого соединил Господь, всегда находят любовь.

– Но папа – испанец, из Арагона. Тебе не нужно было никуда уезжать.

– Мало кто из женщин королевской крови может выйти замуж за своего соотечественника. Да, брак с твоим отцом стал для меня благословением, но многие из кастильской знати сперва были против, о чем тебе хорошо известно. Они не верили, что Фернандо достоин стать моим супругом. Гранды хотели, чтобы я вышла замуж за кого-то из них, а потом Кастилия захватила бы Арагон, увеличив их владения. На самом деле меня к этому практически вынудили. Но Божья воля восторжествовала. Господь свел меня и Фернандо, дав Арагону и Кастилии возможность объединиться против язычников, а теперь Он соединяет тебя и Филиппа ради Испании.

– Да, папа был достоин, – ошетижилась я. – Он был принцем и стал королем Арагона, а также твоим королем-консортом. Но что такое Фландрия? Всего лишь мелкое герцогство, а Филипп – простой эрцгерцог.

– Может, он и эрцгерцог, но он также наследник императора. И хоть Фландрия и герцогство, но далеко не мелкое. Будучи частью империи Габсбургов, оно надзирает за Нидерландами и охраняет их границы от французов. Более того, оно процветающее и мирное. Да что там говорить – подданные Филиппа столь преданы ему, что называют его Красивым. И он всего лишь на год старше тебя. Любая принцесса с радостью вышла бы за такого мужчину.

– Тогда отправь ему другую, – вырвалось у меня. – Мария ни с кем не помолвлена. Она вполне сможет меня заменить, и он даже не заметит разницы. Мы ведь вообще не встречались.

– Заменить тебя? – Мать выпрямилась. – Не знай я тебя, подумала бы, что ты бросаешь мне вызов.

– Я... я не хотела, мама. – Я поежилась. – Но если уж я должна выйти замуж, то предпочла бы какого-нибудь испанского гранда.

– Хватит! – Она ударила по подлокотникам кресла так, что зазвенели перстни. – Вот уж действительно – за испанского гранда! Как будто я отдам свою дочь кому-то из этих стервятников! Их алчность и тщеславие разрушили Испанию; если бы не я, у нас и поныне царил бы хаос, а они набивали бы кошельки мавританским золотом. Ты разве не слышала, что я сказала? Ты будешь императрицей Габсбургов. Я выбрала тебя для этого великого дела.

Возможно, мне следовало испугаться, понять, что я проиграла битву. Но вместо этого твердо ответила, почти не узнавая собственного голоса:

– Я никогда об этом не просила.

Мать рассерженно встала и подошла к окну. Секунды тянулись словно годы. Когда она наконец заговорила, слова ее вонзались в меня, точно стрелы.

– Ты сделаешь так, как тебе сказано. Фландрия – уважаемое королевство, которым Филипп правит с самого детства. Его родословная безупречна, а двор славится своей роскошью. Уверяю тебя, ты почувствуешь себя как дома.

К моим глазам подступили слезы. Я видела, как исчезает, подобно сну, мое детство, беззаботные прогулки по саду, которыми я никогда больше не смогу насладиться. Меня не волновала репутация Филиппа или его двор. Ничто не могло сравниться с красотой Испании.

– Мама, прошу тебя! – Внутри у меня все оборвалось. – Это в самом деле обязательно?

Она повернулась ко мне:

– Кортесы дали согласие, и документы о помолвке уже подписаны. Я не могу пренебречь благополучием Кастилии из-за твоих капризов.

Комната вокруг меня закружилась. Я едва слышала мать, которая вернулась к столу.

– Ты отправишься во Фландрию не одна. Донья Ана поедет с тобой и будет вести твоё хозяйство, и у тебя будет своя прислуга. Само собой, Филипп позаботится о твоём благополучии, как и подобает хорошему мужу. Ты сама поймешь, что все твои страхи – лишь от волнения, естественного для невесты. Мы все в свое время через это прошли.

Для меня уже выбрали окружение, мать даже решила, как будет ко мне относиться мой муж. Перед моими глазами возник образ Боабдиля, стоящего перед ней на коленях на выжженной земле.

Я сглотнула слезы. Унижаться перед ней я не собиралась.

– Когда? Когда я должна ехать?

– Не раньше чем через год, хотя нам многое предстоит сделать, – оживленно заговорила мать. – Я знаю о твоих успехах в учебе, но, поскольку у тебя было мало возможностей попрактиковаться во французском, я найду тебе опытного учителя. Тебе также следует продолжить совершенствоваться в музыке и танцах. Насколько я знаю, фламандцы ценят эти искусства.

Мое будущее было расписано с такой же точностью, какую она продемонстрировала в битве с маврами. Я была всего лишь еще одним бойцом ее войска, еще одной пушкой в ее арсенале.

В это мгновение я ее возненавидела.

– Меня ждет работа. – Мать опустила перо в чернильницу и придвинула к себе стопку бумаг. – Завтра после уроков составим твой ответ Филиппу. Поцелуй меня и иди помолись.

Казалось, что до завтра еще целая вечность. Не чувствуя под собой ног, я как-то сумела коснуться губами ее щеки, присесть в реверансе и дойти до двери. Положив руку на засов, я остановилась: подумалось, что мать смягчится, позовет меня, не позволит уйти просто так.

Но она уже склонилась над бумагами.

Я прошла мимо женщин в коридоре, сжимая в руке письмо. Сорайя поднялась из своего угла, вопросительно глядя на меня. В свои комнаты я вернуться не могла – сестры наверняка не спали. Они бы не дали мне покоя, не выведав у меня новости, а потом... Господи, потом я разревелась бы, как ребенок, как идиотка, как Исабель в ее нескончаемом горе! Я не могла

с ними видеться – пока. Нужно было побыть одной где-нибудь в укромном месте, чтобы дать выход злости и тоске.

Подобрав юбки, я побежала, скользя между удивленными стражниками и девушками-рабынями, которые поспешно приседали, роняли корзины с высушенным на солнце бельем. Я бежала, словно за мной гнались, пока не вырвалась, задыхаясь, на открытый внутренний двор. Сорайя следовала за мной по пятам.

Меня окутал запах жасмина. В звездном небе висел серп луны. Слышался шум воды, изливающейся из пасти каменных львов вокруг фонтана. Стоя в текущей по желобу воде, я медленно повернулась и взглянула на изогнутые арки Альгамбры, на узорчатые фронтоны и мраморные скульптуры.

Вокруг царила тишина. Все изменилось. Мир, который я так любила, не стал бы меня оплакивать, даже не почувствовал бы моего отсутствия. Он продолжал бы существовать вечно, безразличный к красоте, и стены его поглотили бы эхо ушедших.

Я почувствовала прикосновение стоящей рядом Сорайи. Она обняла меня за плечи, и я дала волю слезам.

Глава 3

Мы отправились из Гранады в Кастилию вечером, чтобы избежать жары. Путешествие предстояло утомительное: недели езды верхом на жесткой спине мулов. Когда мы выехали на извилистую горную дорогу, спускавшуюся в долины Андалусии, я оглянулась.

Стены Альгамбры на холме в сумеречном свете обрели аметистовый оттенок. Над ее башнями простиралось фиолетовое небо, испещренное похожими на стеклянные блески звездами. Вдоль дороги стояло несколько крестьян, махая нам на прощание; в деревнях лаяли собаки. Нынешний конец лета ничем не отличался от прошлых, словно на следующий год мы собирались вернуться сюда, как обычно. Затем мы миновали груды камней на обочине, где, как говорили, Боабдиль в последний раз взглянул на Гранаду и заплакал.

Как и он, я думала, увижу ли когда-либо мой заветный дворец.

* * *

Три недели спустя мы добрались до засушливых равнин Кастилии и города Толедо. Город возвышался на скалистом холме над рекой Тахо, лучи закатного солнца падали на прекрасное скопление белых и охряных зданий, увенчанное собором. Мне всегда нравились узкие кривые улочки и запах свежего хлеба по утрам, цветы во дворе за воротами монастыря, великолепные арки в стиле мудехар, с высеченными на них тайнами побежденных мавров.

Теперь же город казался мне тюрьмой, где мое будущее решалось без моего участия. Толедо являлся официальной резиденцией кастильских кортесов, совета вельмож и чиновников, которых избирал каждый крупный город Кастилии. Моя мать основательно урезала власть кортесов, прекратив царившую до ее вступления на престол анархию, однако ей все так же приходилось обращаться к этому органу за одобрением налогов и прочих крупных расходов, а также королевских союзов и присвоения титулов ее наследникам.

Именно кортесы одобрили мою помолвку.

Пока мы ехали по крутой дороге в сторону алькасаара, я молчала, плотно сжав губы. За все время пути я почти не разговаривала, и мое раздражение лишь усилилось, стоило мне оказаться внутри старого замка: похожей на пещеру мрачной норы с постоянно сырými стенами. После заросших олеандром дворики Альгамбры здесь мне было тяжело дышать. И что еще хуже, здесь начались мои серьезные уроки французского, которые давал лишенный чувства юмора учитель. Он читал бесконечные лекции и заставлял меня ежедневно декламировать гласные.

Он муштровал меня четырежды в день, и акцент его казался мне столь же прокисшим, как его дыхание. С холодным наслаждением я коверкала глаголы, наблюдая, как он бледнеет от ярости. Пока однажды сквозь звуки его занудной речи со двора замка не пробился стук копыт.

Подбежав к узкой амбразуре, я изогнула шею, чтобы сквозь оконную щель разглядеть прибывших.

– Мадемуазель, – сердито заявил учитель, – *asseyez-vous, s'il vous plaît!*⁸

Но я уже заметила покрытых алыми попонами жеребцов и поспешно выбежала из класса, оставив ошеломленного учителя стоять с раскрытым ртом.

Сбежав по каменной лестнице, я увидела впереди группу кастильских вельмож, которые направлялись в сторону *sala mayor*, главного зала. Развернувшись кругом, я подобрала громоздкие юбки и бросилась в галерею менестрелей. Если удастся добраться до него раньше матери, убедить его...

⁸ Сядьте, пожалуйста! (*фр.*)

Я вполголоса выругалась: придворные уже собрались в зале. Войти туда без сопровождения я не могла и присела за ширмой, отделявшей галерею от зала. Со двора входили вельможи моего отца.

Увидев с ними его самого, я облегченно вздохнула.

От красного плаща на его плечах пахло так же, как и от него самого: лошаадьми, вином и его потом. Сапоги на мускулистых ногах прирожденного наездника были забрызганы грязью. Невысокий ростом, он тем не менее будто бы возвышался над всеми остальными. Вот он снял шляпу, открыв коротко подстриженные черные волосы. Держа шляпу в одной руке и уперев другую в бок, он окинул взглядом кастильских вельмож, улыбнулся и взревел:

– Изабелла, *mi amor*, я дома!

Я прижала ладонь ко рту. Как же ненавидели придворные подобные его возгласы! Он всегда появлялся так, демонстрируя бескрайнюю любовь к жене и презрение к жестокому кастильскому этикету. Для грандов при дворе моей матери то был еще один признак его арагонской неотесанности. Их лица помрачнели.

Мне не требовалось напоминаний матери, что кастильские вельможи не одобряют ее мужа. Пока мои родители не поженились, Арагон и Кастилия были отдельными королевствами и порой враждовали. Арагон, несмотря на меньшие размеры, владел островами и землями на Средиземном море и имел огромное влияние, в то время как Кастилия занимала большую часть Центральной Испании, соответственно имея большую власть. Союз моих родителей объединил королевства, хотя их брачный договор сохранял за Арагоном право на собственные выборные представительные органы. После смерти родителей мой брат Хуан становился первым правителем обоих королевств, и продолжение его рода гарантировало, что Испания никогда больше не разделится. До этого же мой отец являлся королем-консортом Кастилии и полноправным королем Арагона, о чем никому и никогда не позволял забыть. Подобная уступка со стороны матери лишь усиливала неприязнь к нему кастильских вельмож.

За прошедшие годы я слышала и другие рассказы, не предназначавшиеся для моих ушей. В том, что отец неравнодушен к женщинам, можно было не сомневаться: мать взяла ко двору его внебрачную дочь Иоанну и сделала архиепископом его внебрачного сына. Но несмотря на подобные грешки, их браку можно было только позавидовать. Мать никогда ему не перечила, и их встречи всегда приносили неподдельную радость. Отец был не прочь повеселиться, обожал непристойные шутки и хороший кубок хереса, проводил немало времени в обществе детей. Но никто другой не любил его так, как я.

Сквозь ширму я видела, как отец снимает плащ и заводит разговор с доверенным советником матери, тощим Сиснеросом. Его вельможи стояли в стороне от кастильцев, что свидетельствовало о взаимной неприязни. Затем вошла мать с моими сестрами. Отец тотчас же оставил Сиснероса и направился к ней. Он наклонился к матери, и ее бледные щеки залил румянец. Казалось, будто в зале нет больше никого, будто они – единственные влюбленные во всем мире. Рука об руку они прошли к возвышению. Отец улыбался, глядя на кланяющихся кастильцев.

Я едва не растаяла за ширмой. Если бы я только могла выйти замуж за такого мужчину, как мой...

– А где же, скажите на милость, Хуана? – эхом отдался в зале голос матери.

Быстро разгладив помятые юбки, я спустилась в зал.

Увидев меня, отец широко улыбнулся. Он сбрил бороду, и лицо его покрывал бронзовый загар, придавая ему облик искателя приключений. Не осмеливаясь взглянуть на мать, я подошла к подножию возвышения и присела в реверансе:

– Я так рада вас видеть, *Su Majestad*.

– Ваше величество?! – воскликнул он. – Что это значит, *madrecita*? От тебя мне не нужны никакие церемонии.

– Фернандо, – упрекнула его мать, – перестань ее так называть. Она вовсе не твоя мамочка. – С этими словами она дала знак вельможам отойти, оставив меня на коленях. – Можешь встать. Не стану портить радость от возвращения твоего отца расспросами, где ты была.

– Вероятно, пыталась подкупить конюха, – усмехнулся отец, – чтобы взять жеребца, сбежать обратно в Гранаду и спрятаться там, будто разбойница. Что угодно, лишь бы не выходить замуж за Габсбурга, да?

Я не удержалась от улыбки.

– Она просто невозможна, – заявила мать. – Слишком горяча и своевольна. А ты, муж мой, поощряешь ее, хотя сам должен быть примером.

– Ты в ее возрасте была такой же, – рассмеялся отец. – Тебе ли ее винить? Она испанка до мозга костей, и ей не хочется никуда уезжать с иностранцем, точно так же, как не хотелось и тебе.

Я едва не рассмеялась вместе с ним. Папа мне поможет. Он положит конец этой гнусной помолвке.

Отец протянул руку:

– Пойдем прогуляемся наедине.

Он подмигнул матери. Хмурое выражение исчезло с ее лица, и она подозвала моих сестер:

– Подождем вас в галерее.

Мы с отцом вышли во двор.

* * *

Белое раскаленное солонце обжигало булыжники двора. Поежившись, я пошарила в кармане в поисках ленты, чтобы завязать волосы. Отец протянул руку и свернул копну волос в узел у меня на затылке.

– Я часто делал так со своей матерью, – пробормотал он. – У нее были волосы как у тебя, густые, словно грива кобылицы. Единственная ее гордость – после любви ко мне, конечно.

Я бросилась в его объятия:

– Я так по тебе скучала...

– Я тоже по тебе скучал, *madrecita*.

Почувствовав, как его мозолистые пальцы поглаживают мою шею, я сглотнула унизительные слезы, постоянно в последнее время подступавшие к глазам, и отстранилась:

– Не видела в зале Хуана. Он не приехал с тобой?

– Я оставил его отдыхать в Сеговии, хотя ты наверняка будешь рада узнать, что в Арагоне он произвел немалое впечатление. Он настолько потряс мои кортесы своей эрудицией, что они лишились дара речи, а это с ними бывает редко. Но возвращение в Кастилию его утомило.

Я понимающе кивнула. Здоровье Хуана постоянно внушало тревогу. В Кастилии женщина могла унаследовать трон, как моя мать, но Арагон придерживался положений салического закона, запрещающего передачу престола по женской линии. Если, не дай бог, Хуан умер бы, не успев жениться и дождаться сына, Кастилия и Арагон могли снова разделиться.

– Во имя всех святых, тут жарко, как в аду. – Отец прикрыл глаза рукой. – Пойдем в тень, пока ты вся не покрылась веснушками. Зачем нам пятнистая невеста?

Я отвернулась, но он взял меня за подбородок и вновь повернул к себе:

– Ты что, плачешь?

– Пыль, наверное, – пробормотала я, утирая глаза. – Терпеть не могу это время года в Кастилии. Повсюду пыль и насекомые.

– Что верно, то верно, – заметил отец, ведя меня к скамейке в тени ворот.

Я присела рядом, почти физически ощущая исходящую от него бычью силу.

Отец откашлялся.

– Я должен поговорить с тобой кое о чем очень важном.

Он пристально посмотрел на меня. На его виске виднелся сморщенный шрам, и из-за косоглазия, которое передалось по наследству и мне, хоть и в меньшей степени, казалось, будто он все время щурится. И тем не менее я считала его самым красивым мужчиной на свете, ибо когда он смотрел на меня, создавалось впечатление, будто он не хочет видеть больше никого и ничего.

– Знаю, союз с эрцгерцогом тебя не радует. Твоя мать говорит, что ты очень расстроена и все свободное время бродишь, словно потерянная душа.

– Какое свободное время? – мрачно усмехнулась я. – У меня едва находится минутка в уборную сходить. Я только и делаю, что пытаюсь учить французский и совершенствоваться в музыке и танцах.

– Значит, вот где ты была – учила французский? Ну давай же, открой передо мной свою душу. Ты же знаешь, я не стану тебя бранить.

Слова его пробили защиту, которую я выстроила внутри себя, как только узнала о приближающейся свадьбе.

– Я никому не хочу доставлять хлопот, – дрогнувшим голосом сказала я. – Понимаю, насколько важен этот брак.

– Но, как говорит твоя мать, ты предпочла бы выйти замуж за испанца?

– Испания – моя родина. Не могу даже представить, что пришлось бы уехать. А если я выйду за эрцгерцога, этого не миновать.

Отец вздохнул:

– Как бы вы с матерью ни отличались друг от друга, у вас есть одно общее: Изабелла тоже любит Испанию всем сердцем. Иногда, пожалуй, больше, чем что-либо другое на свете.

В голосе его послышалась давняя боль.

– Значит, мы не так уж похожи. Ибо больше всего на свете я люблю тебя.

– Ты достойна своего имени. – Отец улыбнулся, обнажив неровные зубы. – Ты не только похожа на мою мать, но и предана точно так же, как и она.

– Правда?

Мне нравилось, когда меня сравнивали с моей тезкой, покойной королевой. Хотя она умерла еще до моего рождения, ее любовь к Арагону и моему отцу была известна всем. Говорили, будто она стремилась к браку моих будущих родителей еще за долгие годы до их встречи, предвидя, что вместе их ждет более великая судьба, чем по отдельности.

– Да, правда. Для моей матери не было ничего важнее в жизни, чем преданность стране. Она говорила мне, что это единственная любовь, которая остается навеки. – Отец погладил меня по руке. – Так что, если не хочешь выходить замуж за эрцгерцога, мы не станем тебя принуждать. Сколь бы ни был важен этот брак, я не потерплю, если он сделает тебя несчастной.

Я молчала, размышляя над его словами. Ждала величайшего облегчения, но оно не приходило.

– Мама говорила, что Франция угрожает Арагону и мы должны показать нашу силу. Это действительно так?

– Ах, *madrecita*, какое это имеет значение? Если ты этого не хочешь, пусть все остается как есть.

– Но это имеет значение. Для меня. Я хочу понять.

– Ну хорошо. – Отец потер подбородок. – Ты знаешь, что, хотя мы с твоей матерью – титулованные монархи Испании, мое королевство Арагон остается независимым. Но на самом деле наш союз должен сохраняться ради блага страны. Это должен обеспечить твой брат, но еще недавно Арагон и Кастилия были заклятыми врагами и гранды строили заговоры против короны и кортесов.

– Да, я знаю, – кивнула я. – Но потом вы с мамой поженились и сделали Испанию сильной.

– Верно, но некоторые рады были бы нашему падению, чтобы свергнуть страну в беззаконие. Мы отобрали свободы у знати, уменьшили владения и заставили грандов поклясться в верности нам, поставив ее выше собственных интересов. И тем не менее мы не добились бы успеха без их поддержки, и многие готовы заключить за нашей спиной союз хоть с самим Люцифером, лишь бы сокрушить нашу власть. К тому же Арагон когда-то в борьбе за Неаполь проиграл Карлу Французскому.

– Но ты же отвоевал его назад. Неаполь теперь твой, по договору.

– Как ни прискорбно, договоры во многом зависят от того, кто их подписывает. Будучи в Арагоне, я получил известие о смерти моего старого врага Карла. Своим наследником он назвал двоюродного брата Луи Орлеанского. Луи – истинный Валуа, и понятия совести для него не существует. Он презирает мои права на неаполитанские владения и уже объявил, что готов сражаться за эту землю. Любая война, которую он начнет за Неаполь, станет войной против Испании.

Я тут же вспыхнула:

– Если он объявит войну, мы победим его, как победили мавров!

– Увы, все не столь легко. Неаполь – ворота к африканским торговым путям. Он далеко, и Луи знает, что мы не можем позволить себе вести войну на два фронта, не опустошив казну и не открыв Арагон для атаки французов. Не забывай, Арагон граничит с Францией и Италией. Луи может провести свои войска прямо через мое королевство. Боюсь, как только его коронуют, он именно так и поступит. Он заставит нас разделить наши силы, а у нас нет ни денег, ни людей.

Я ждала кулаки, представив, как орды французов вторгаются в королевство отца – так же, как с незапамятных времен, движимые неутолимой жадной разрушений и крови.

– На самом деле все просто, – продолжал отец. – Мы с Изабеллой израсходовали казну на Крестовый поход против мавров, а кортесы как с той, так и с другой стороны отказываются одобрить дальнейшее повышение налогов. Они в своем праве – от их имени говорит простой народ, и, в отличие от других монархов Европы, мы правим с их согласия. Испания отдала все, что у нее есть, а война стоит денег, и немалых. Отсюда и браки с Габсбургами.

– Габсбурги дадут нам денег на войну с Францией? – Я нахмурилась.

– Не деньги. Безопасность. С помощью браков мы заключим с ними союз. Поверь мне: Луи дважды подумает, прежде чем выступить против нас, если будет знать, что Габсбурги на нашей стороне. Император осмотрителен – он друг для всех, но никому не доверяет. В данный момент он расположен к нам, но, если Луи убедит его поддержать французов, вместе с Габсбургами они могут доставить Испании немало хлопот.

Я задумалась. В отличие от сестер, редко выглядывавших за двери покоев, я всегда интересовалась происходящим при дворе. Часто мне удавалось подслушать разговоры вельмож, что хотя Испания и обширна, казна ее никогда не полна до краев, а Реконкиста еще больше ее истощила.

– А земли адмирала Колона? – спросила я. – Разве там нет золота?

– Этот шарлатан? – Отец шумно выдохнул уголком рта. – В Новом Свете, как он его называет, ему не удалось найти ничего, кроме горстки кишящих москитами островов. Возможно, он и заслужил титул за открытие земли за океаном, но есть ли там золото – пока неизвестно.

Я восхищалась тем, насколько различались характеры моих родителей. Для матери Новый Свет Кристобая Колона представлял собой тысячи языческих душ, ожидавших слова Божьего; для отца же он означал лишь чрезмерные расходы, которые следовало бы направить на защиту Испании.

– Только матери про это не говори, – подмигнув, добавил он, словно прочитав мои мысли. – Она мне голову оторвет. Она убеждена, что однажды Колон найдет город с вымощенными золотом улицами, на которых толпы дикарей требуют Сиснероса и его молитв.

Я рассмеялась, впервые за несколько недель почувствовав, как тревога оставляет меня.

– Вот так-то лучше, – одобрил отец. – Такой я и хочу тебя видеть. Тебе следует почаще смеяться, дочь моя. Полезно для твоей души. – Он помолчал. – Теперь ты понимаешь, почему этот брак столь важен?

– Да, понимаю. Взяв меня замуж за Филиппа и выдав его сестру за Хуана, Габсбурги поддержат нас, и Франции придется договариваться с нами, вместо того чтобы просто объявить войну.

– Верно. Кто же сможет лучше научить фламандского эрцгерцога жизни в этом мире, чем ты?

Я с трудом подавила желание поступить так, как хочет отец. Хоть я и надеялась на облегчение, передо мной стоял трудный выбор.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь Испании, – рискнула я.

– Да, но тебе вовсе незачем приносить себя в жертву. Мы найдем тебе мужа-испанца, а пошлем... кого ты предлагала? Ах да – твою сестру Марию. Она тоже инфанта, и, как ты говорила матери, Филипп даже не заметит разницы.

– Мария? – Я закатила глаза. – Да она вообще ничего в этих делах не смыслит. Она попытается утешить Филиппа псалмами и вышиванием и в конце концов утомит его до смерти.

Отец усмехнулся:

– Следует понимать, что ты все же хранишь тайную привязанность к нашему прекрасному эрцгерцогу?

– Ха, да он ничего для меня не значит. – Я взяла отца за руку. – Но я сделаю это ради Испании, папа. Ради Испании я выйду за него замуж.

– Madrecita?.. – прошептал он, целуя меня в губы. – Сегодня ты дала мне немалый повод для гордости.

Когда мы вошли в галерею, мать, сидевшая в кресле, подняла взгляд. Исабель и Мария шили рядом; у их ног Каталина играла клубком с рыже-черным котенком.

– А, вот и вы, – сказала мать. – Хорошо погуляли? Иди к нам, Хуана. Твой отец даже не успел помыться и переодеться. Отпусти его к оруженосцу. Потом поужинаем всей семьей в моих покоях, хорошо?

Кивнув, я направилась к креслу, взяла пяльцы и начала вдевать нитку в иголку.

– Ну? – прошипела Исабель, наклонившись ко мне. – Собираешься выходить замуж или нет?

– Да, собираюсь, – прошептала я в ответ. – И не желаю больше слышать об этом ни слова до самой свадьбы.

Глава 4

Колокола Вальядолида звонили в унисон, эхо отдавалось в нависшем над головой небе, возвещая о дне моего официального обручения. Я сидела посреди своих покоев в *casa real*⁹ в окружении дам, нервно перебирая юбки и ожидая своего сопровождающего, статного красавца дона Фадрике: этот кастильский адмирал, из самых верных сторонников моей матери, когда-то сражался за ее вступление на престол.

– Похоже, я опаздываю. – Я поднялась с кресла.

– Его превосходительство скоро будет, – ответила донья Франсиска де Айяла, из числа замужних подруг невесты. – И если вы, ваше высочество, не будете сидеть спокойно, ваше платье к тому времени безнадежно помнется.

Я едва сдержалась, чтобы не возразить ей. Сегодня было не время проявлять свой нрав. Мне предстояло формальное обручение по доверенности: священная клятва должна была соединить меня, по крайней мере на бумаге, с мужчиной, которого я не знала.

Филипп отсутствовал. Мать сообщила мне, что принц никогда сам не приехал бы за невестой, поскольку королевская жена – если только она не правящая королева – должна жить в стране своего мужа. И все же мне это не нравилось. Что же он за мужчина, если даже не счел нужным явиться на собственное обручение?

Впрочем, особо предаваться размышлениям я не стала. Мне хотелось, чтобы церемония прошла без единого изъяна. Отвернувшись от доньи Франсиски, я подозвала девушку с темными волосами, сидевшую у окна:

– Беатрис, не могла бы ты ослабить мой корсет? Я чувствую себя словно связанная курица.

Улыбнувшись, Беатрис де Талавера подошла ко мне.

Мне она понравилась сразу же, как только ее назначили на службу, и была единственной из моей новой прислуги, к кому я испытывала хоть какую-то привязанность. Беатрис была моложе меня на год, и ее характер вполне соответствовал ее живой внешности, темным глазам под изогнутыми ресницами, стройной и изящной фигуре. Будучи племянницей маркизы де Мойя, главной дамы и близкой подруги моей матери, Беатрис обладала необходимым для королевской фрейлины происхождением и опытом, а также здравым умом, которого многим из них не доставало.

Ловко действуя пальцами, она ослабила завязки моего корсета.

– Так лучше, *mi princesa*?

Я наклонилась ближе к ней:

– Вряд ли это вообще волнует того толстого фламандца, которого прислал мой будущий муж. Похоже, его заинтересовала бы лишь бочка пива.

Беатрис хихикнула, поворачивая меня к зеркалу:

– И все же могу поклясться, что старый толстяк-фламандец никогда не видел столь прекрасной невесты.

После долгих часов, пока меня наряжали, я еще не успела на себя взглянуть и теперь восхищенно уставилась на свою стройную фигуру в изысканном платье: расшитый жемчугом корсаж, рукава с фестонами, юбка из серебристого дамаста. Шею мою украшал большой рубин, который мне подарила мать, – из немногих, оставшихся не проданными или заложенными ради войны. С чепца опускалась серебристая вуаль, скрывая мое бледное как смерть лицо. Окрашенные золой и хной в греховно-рыжий цвет волосы падали на плечи, подчеркивая мою девственность.

⁹ Королевский дворец (*исп.*).

– Святые угодники, – прошептала я. – Я едва себя узнаю.

– Фламандец тоже вас не узнает. Он решит, будто сама Дева Мария спустилась с небес.

– Ну, если он примет меня за Деву Марию, может, хоть не ошибется так же, как наш посланник во Фландрии во время обручения моего брата.

Мы рассмеялись, вспоминая, как испанский посол в Брюсселе, символически возлагая обнаженную ногу на эрцгерцогиню Маргариту, расстегнул на панталонах не ту пуговицу и непристойно оголился перед всем фламандским двором. Смех помог мне снять нервное напряжение, и когда почти тут же торопливо вошла донья Ана, похожая в новом бархатном платье на куропатку, я одарила ее улыбкой.

– Его превосходительство уже идет по коридору. Поторопитесь, дамы. Беатрис, прикрой лицо инфанты вуалью и ступай к остальным.

Беатрис присела в реверансе, но не удержалась от смешка, заметив, как я ей подмигнула.

* * *

Церемония казалась бесконечной. Пока архиепископ Сиснерос нараспев служил торжественную мессу, мне казалось, что еще немного – и я растаю перед алтарем, словно пирожное на солнце, скованная своим нарядом. Чудо еще, что мой позвоночник не сломался под весом тяжелого головного убора. По пути сюда адмирал сказал, что я прекрасно выгляжу, и я порозовела от гордости под его мягким взглядом. Сам он мог похвалиться волевой осанкой, высоким ростом и стройной фигурой, от чего вздыхали немало придворных дам. Но сейчас я не чувствовала ничего, кроме всепоглощающей усталости. Мне хотелось только одного: сбросить одежду и погрузиться в горячую ванну.

Рядом хрипло дышал фламандский посланник, источая пивной дух. Аромат благовоний от жаровен смешивался с запахом свечей, ладана и мускуса от знати, придворных и послов, столпившихся в церкви. Мои родители сидели на королевской скамье, неподвижные, словно изваяния.

Наконец Сиснерос произнес долгожданные клятвы. Я едва не рассмеялась, когда посланник повторил с жутким акцентом:

– Я, Филипп Габсбург, эрцгерцог Бургундский и Фламандский, беру тебя, Хуана, инфанта Кастилии и Вест-Индии, в жены...

Когда пришла моя очередь, я произнесла нелепый набор титулов в обратном порядке:

– Я, Хуана, инфанта королевской крови Кастилии и Вест-Индии, беру тебя, Филипп, эрцгерцог Бургундский...

Вот так, сказав несколько бессмысленных слов, я официально стала невестой эрцгерцога Филиппа.

* * *

Ветер завывал диким зверем. От ледяных бурь почернело небо и покрылись инеем дороги, но мать продолжала путешествовать по Кастилии из конца в конец, таская нас за собой.

Она ни на минуту не давала себе отдыха, не позволяя передохнуть и мне. К моему и без того утомительному распорядку добавились новые обязанности. Мне собирали приданое и ежевечерне читали лекции по всевозможным дипломатическим вопросам: считалось, что я должна каким-то образом оказать влияние на Филиппа, в основном не позволять ему подписывать какие-либо договоры и вообще проявлять благосклонность к Франции. Как именно мне предполагалось это делать, мать не объяснила, впрочем вряд ли это имело значение. Несмотря на решимость исполнить свой долг, я продолжала метаться по ночам на подушках, всей душой ненавидя будущий брак, казавшийся не более чем политической уловкой.

В январе вскоре после праздника Богоявления пришло известие, что тяжело больна моя бабушка со стороны матери, вдовствующая королева. Несмотря на адскую погоду, мать сразу же отправилась в Авилу в Центральной Кастилии, взяв с собой маркизу де Мойя и, к моему удивлению, меня.

Мы, дети, не видели бабушку с раннего детства. Ей было двадцать три года, когда умер ее муж, отец моей матери король Хуан, и ей пришлось покинуть двор, как приличествовало вдове. В последующие годы она повредилась рассудком от горя и в конце концов настолько ослабела, что не могла ни путешествовать, ни видаться с людьми. Она прожила в Аревало сорок два года, но для меня это было то же самое, как если бы она давно умерла. Я не понимала объяснений матери, что мне следует попрощаться с бабушкой перед отъездом во Фландрию. Если уж она была настолько больна, что не могла покинуть Аревало, вряд ли она помнит внучку, которую последний раз видела много лет назад во время семейного визита. У меня самой почти не осталось никаких воспоминаний, кроме ее невидящего взгляда и призрачной руки, на мгновение коснувшейся моих волос.

Вглядываясь в метель, я различила на равнине очертания одинокой крепости, столь же мрачной, как и окружающая местность. Смотритель замка и его дородная жена встретили нас и препроводили в зал. Мать сразу же направилась переговорить с заранее посланными врачами. Оставшись одна, я взяла кубок теплого сидра и пошла через помещение.

Дощатый пол покрывали тканые ковры, у стен стояла прочная тисовая и дубовая мебель. Чугунные канделябры освещали когда-то яркие, но теперь выцветшие от света и пыли гобелены. Хотя замок вряд ли можно было назвать роскошным по придворным меркам, он выглядел вполне уютным и подходящим для одинокой старухи и горстки слуг.

– Я прекрасно помню этот зал, – послышался за моей спиной голос маркизы. – Мы с ее величеством часто играли здесь в детстве, притворяясь, будто мы попавшие в плен девицы, которые ждут своих спасителей.

Я успела забыть, что во времена их детства моя мать и маркиза жили в Аревало вместе с бабушкой. Не в силах представить маленькой девочкой мать, а тем более степенную маркизу, я пробормотала, не зная, что еще сказать:

– Наверное, вам было очень одиноко.

– О да. К счастью, мы с ее величеством были очень дружны – вместе играли, шили, ездили верхом. Летом было просто чудесно, особенно в хорошую погоду, но зимой – бррр! Так же уныло, как сейчас, и так же пар шел изо рта.

В очаге и расставленных по залу жаровнях горел огонь. Закутавшись в подбитый овчиной плащ, я не чувствовала холода, но все же меня пробрала дрожь. Я представила, как просачивается сквозь окна и трещины в стенах холодный ночной ветер, завывая в коридорах, словно призрак. Что делала моя бабушка долгими тоскливыми ночами? Бродила по извилистым коридорам вместе с ветром, мучимая нуждой и беспомощностью? Или блуждала в одиночестве, всеми забытая, замкнувшись в лабиринтах собственного безумия?

– Вам нечего бояться, – тихо сказала маркиза, словно прочитав мои мысли. – Ее милость вдовствующая королева стара и больна. Она не причинит вам вреда.

– Я вовсе не боюсь... – Я нахмурилась, но тут же замолчала, увидев на лестнице мать.

– Ваша бабушка наверху, – сказала маркиза. – Там вы с ней и увидите.

* * *

В комнате было темно. Я остановилась на пороге, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к полумраку, но мать, едва успев войти, высекла огонь и зажгла свечи.

– Хуана, входи и закрой дверь. Сквозит.

С трудом преодолевая необъяснимый страх, я шагнула в комнату. В отблесках света я увидела старый ткацкий станок в углу, стол, стулья и полуразвалившийся трон. Ничто не напоминало комнату больной, заваленную лекарствами и пропитанную запахом болезни, и я со вздохом облегчения повернулась к стоявшей у кровати матери.

Тянулись долгие секунды. В полной тишине мать глядела на почти неразличимую фигуру под грудой одеял. Затем я услышала, как она почти шепотом позвала:

– Мама?

Вновь наступила глубокая тишина. Потом мать посмотрела на меня и жестом подозвала к себе.

Я подошла к постели и замерла.

Виднелись лишь голова и верхняя часть тела бабушки, возлежавшей на подушках. Пряди бесцветных волос падали на ввалившуюся, казавшуюся бездыханной грудь. На восковом лице отчетливо выделялись очертания костей черепа, потемневшие веки были опущены. Она выглядела столь неподвижной, столь невещественной, что мне показалось, будто она уже умерла. Я заставила себя шагнуть ближе, и какой-то звук – возможно, шорох моих пальцев о полог кровати или стук каблучков – разбудил ее. Глаза цвета застывшего моря медленно открылись, в меня уперся остекленевший взгляд. Иссохшие губы пошевелились, и раздался едва слышный шепот:

– Eres mi alma.

«Ты моя душа».

– Нет, – поправила мать. – Это Хуана, мама. Твоя внучка. – Она тихо обратилась ко мне: – Ніја, выйди на свет. Пусть она тебя увидит.

Я двинулась вокруг кровати. Голова бабушки поворачивалась следом за мной; у меня волосы шевелились на затылке, и я с трудом подавляла желание отвернуться. Не хотелось встретиться с ее пронизывающим взглядом, видеть таившиеся в ее глазах кошмары.

А потом я услышала слабый голос, словно доносившийся из бездны:

– Почему ты боишься?

Я подняла взгляд, и отчаянно бьющееся сердце в моей груди вдруг успокоилось.

Никогда еще я не видела столь невыразимой муки. В глазах бабушки читался весь ужас вечной ночи, безжалостное, не несущее облегчения одиночество. Вынужденная страдать от заточения, какого не могла вынести ни одна живая душа, она умоляла о милосердии, о быстрой смерти, которая положила бы конец бессмысленному существованию.

Упав на колени, я нашарила под мехами ее хрупкую, словно высохший лист, руку. Не сказав больше ни слова, вдовствующая королева вздохнула и вновь впала в беспокойный сон. Глаза ее закрылись. Помедлив, я отпустила ее руку, поднялась и повернулась к матери. Та стояла неподвижно, бледная, с поднятым подбородком, словно готовая броситься в бой.

– Почему, мама? – спросила я. – Почему ты так с ней поступила?

– Я ничего не делала. – Ее голос дрогнул: похоже, тяжкие мысли снадали ее куда дольше, чем можно было предполагать. – Моя мать заболела, – быстро продолжала королева, словно пытаясь избавиться от ужасного бремени. – Она не могла больше жить в этом мире. Я была еще ребенком, когда у нее случились первые припадки. Позже, когда я уже была королевой, стало ясно, что она никогда не оправится. Больше я ничем не могла ей помочь. Только здесь она была в безопасности.

– В безопасности?

– Не смотри на меня так! – гневно бросила мать. – Уверю тебя, она несколько не пострадала. Она имела в распоряжении фрейлин и смотрителей, множество врачей, весь замок – могла получить все, что только бы захотела.

– Не все. Когда-то она была королевой. – Я помолчала. – Разве нет?

Мать пронзила меня взглядом. Я почти физически ощущала ее страх и чувство вины.

– Я привезла тебя попроситься, а не задавать вопросы. Как я уже сказала, никто не причинял ей вреда. Лишь убедившись, что ее болезнь неизлечима, я была вынуждена ограничить ее свободу. Она... ее нельзя было выпускать за пределы замка. Ей только стало бы хуже.

– Почему ты меня сюда привезла? – Я уперла кулаки в бока. – Почему именно сейчас? Слова матери обрушились на меня, словно мечь.

– Чтобы ты увидела: мне действительно приходится идти на жертвы, иногда даже королеве выпадает действовать вопреки велению души, чтобы выжить. У меня не было выбора. Я поступила так ради Испании и ради нашего рода. Представь, что могло бы случиться, если бы мир об этом узнал! Я не могла рисковать. Нам через слишком многое пришлось пройти. Мой долг – в первую очередь защищать Кастилию. Кастилия превыше всего.

У меня перехватило дыхание. Да, она действительно это сделала. Королева Изабелла обрекла свою мать на заточение в Аревало. Все было до ужаса просто. Ее мать, вдовствующая королева, стала помехой. Ради блага Испании ее спрятали от всех, чтобы никто не узнал, что наша кровь отравлена безумием. На что еще была способна королева с железным сердцем? На что еще она могла пойти, чем еще пожертвовать, чтобы защитить свое королевство?

Я опустила голову, не в силах вынести страшной тайны во взгляде матери.

– Тебе не следовало так поступать, – сказала я. – Она – наша родня, наша плоть и кровь. Она часть нашей семьи.

Мать издала сдавленный смешок, похожий на всхлип:

– Ты смеешь меня судить? Ты не знаешь, не можешь знать, какая на мне лежала ответственность, какой тяжкий долг мне пришлось в одиночку нести на своих плечах.

– Еще как знаю, мама, – тихо ответила я. – Как я могу забыть?

Повернувшись, я вышла из комнаты.

Глава 5

Два месяца спустя я смотрела на продуваемую всеми ветрами бухту Ларедо. С палубы галеона доносились крики матросов, слышался грохот загружаемых в шлюпки сундуков, хриплые команды.

За моей спиной сбились в кучу от ветра мои сестры и брат, с восторгом глядя на меня. Мне первой из них предстояло предпринять подобное путешествие, и, повинувшись знаку матери, я повернулась и подошла к ним. К моему удивлению, первой меня обняла Исабель, вновь помолвленная с португальским наследником.

– Я никогда тебя больше не увижу в этой жизни, hermana, – прошептала она.

– Ерунда, – ответила я, хотя слова ее больно меня укололи.

Отстранившись от сестры, я позволила Марии поцеловать себя.

– Будь сильной, Хуана. Как всегда.

Следующей была Каталина. Я сразу же увидела, что она с трудом сдерживает слезы. Взглянув в ее красные глаза и лезущие из-под капюшона золотые пряди, я прижала сестренку к себе:

– Тебе надо быть храброй, когда придет твое время отправиться в Англию. Я всегда буду думать о тебе, mi querida. Думай и ты обо мне.

Каталина цеплялась за меня, пока ее гувернантка донья Мануэла не увела ее силой.

Я присела в реверансе перед Хуаном:

– Да хранит вас Бог в добром здравии, ваше высочество.

– Ты будешь добра к Маргарите, когда ее увидишь? – выпалил он. Лицо его побледнело, глаза горели после недавнего приступа лихорадки. – Будешь с ней дружить, пока она не придет ко мне?

– Я буду ей как сестра и скажу ей, что она самая счастливая женщина в мире, поскольку у нее такой прекрасный будущий муж.

– О, Хуана, мне так грустно, что ты уезжаешь! – Брат обнял меня, и я ощутила, насколько хрупко его тело. – Я буду за тебя молиться, сестра.

Коснувшись его щеки, я повернулась к отцу.

Этого мгновения я боялась больше всего. Боялась, что самообладание покинет меня, но была полна решимости не остаться в его памяти плаксивой девчонкой. И все же, увидев его рядом с матерью, в развевающемся плаще и шляпе, тень от которой скрывала его собственную боль, я вдруг представила себя маленькой девочкой, обнимающей его сильное тело, и мне внезапно стало тяжело дышать.

– Папа...

– Будь сильной, mi madrecita. – Он заключил меня в крепкие объятия. – Будь смелой, насколько сможешь. Не позволяй им думать, будто Испания не правит в твоём сердце.

– Буду. Обещаю.

Отец отстранился, и я ощутила внутри пустоту.

– Идем, Хуана. – Мать шагнула ко мне. – Я провожу тебя до корабля.

* * *

Когда солнце превратилось в алый шар на горизонте, моя армада вышла в море. Паруса вздымались на ветру. Из тускло-изумрудной вода стала алмазно-голубой; носы устремившихся вперед кораблей обдавала морская пена.

Холодный ветер развеивал мой плащ. Я не уходила с палубы, пытаюсь разглядеть удаляющиеся горы, даже когда наступила ночь, принеся с собой темноту и туман. Вскоре Испания скрылась из виду.

* * *

Путешествие заняло на три недели дольше, чем предполагалось: буря разбросала мой флот. Измученная теснотой, отсутствием свежей еды и нескончаемыми молитвами дам о счастливом прибытии, пятнадцатого сентября я с радостью ступила на землю Фландрии.

На берегу уже ждала толпа, и от громогласных криков разлетались голуби с окрестных крыш. Махая в ответ, я проехала через город под названием Арнемюйден в подготовленный для меня дом, где тотчас же рухнула в постель. Проснувшись на следующее утро с головной болью и режью в горле, я узнала новость: парусник, на котором везли мое приданое, налетел на мель и затонул. Вся команда и груз погибли.

– Что нам теперь делать? – причитала донья Ана. – Все пропало – все ваши платья, драгоценности, туфли, головные уборы! Тебе нечего надеть на встречу с эрцгерцогом!

Я чихнула. Беатрис подала мне платок.

– Наверняка что-то есть в моих сундуках.

– Что? – возразила донья Ана. – Старые шерстяные платья? Да от них пахнет грязью и дымом.

– От них пахнет Гранадой, – раздраженно ответила я. Многие часы в море, проведенные в обществе дуэньи, не прошли даром. – Еще я знаю, что где-то у нас есть красный бархат и ткань с позолотой. И то и другое вполне подойдет. Тем временем просто придется купить ткани, чтобы сшить новые платья. Мы ведь во Фландрии, а ткачество – их национальный промысел.

– Твой красный бархат не подходит для путешествия, а ткань с позолотой выглядит чересчур экстравагантно. Что касается закупок ткани – мы не торговцы, чтобы заниматься подобными делами.

Во имя Христа, порой с ней бывало тяжело! Я села в постели.

– Если мне нужна ткань, значит придется за нее заплатить. – Я помолчала. – И где, в конце концов, эрцгерцог?

Наступила напряженная тишина.

– Не волнуйся, – живо ответила донья Ана. – Его высочество эрцгерцог извещен о нашем приезде, и сейчас он...

– Охотится, – криво усмехнулась Беатрис. – Когда мы не прибыли вовремя, он решил, что мы отложили приезд, и отправился на кабана. Пока вы спали, об этом сообщила его сестра, эрцгерцогиня Маргарита. Нам предстоит ехать в Лир, где она нас ждет.

Я уставилась на фрейлину, но тут же прикрыла рот рукой, едва не рассмеявшись. Что вообще происходит? Я обсуждаю, где раздобыть платье, а мой будущий муж на охоте! Не слишком-то благоприятное начало нашего союза.

– В таком случае какая вообще разница, что я надену?

Несмотря на возражения доньи Аны, я выбрала удобное шерстяное платье. Вскоре, впрочем, я пришла к выводу, что народу Фландрии было бы все равно, даже если бы я явилась перед ним завернутой в мешковину. Выстроившись вдоль дороги в Лир, толпа в цветастых одеждах встречала меня хриплыми радостными возгласами и забрасывала цветами. Меня поразило количество народа: я ведь привыкла к просторам Испании, где можно ехать несколько дней, не встретив ни единой живой души.

Как и ее обитатели, поражала воображение сама страна, зеленая и однообразная. Здесь не было ничего более выдающегося, чем пологие холмы, – ни иззубренных гор, ни увенчанных суровыми замками вершин, ни широких золотых равнин. Фландрия напоминала зеленый,

сочащийся водой сад. Вода была повсюду: стояла в болотах, журчала в реках, текла по каналам. Вода капала с неба и хлюпала под ногами. Вокруг живописных деревень, где, казалось, не голодали даже собаки, простирались богатые поля, где росли кабачки, бобы и прочие овощи, а на травянистых выгонах паслась лоснящаяся скотина. Фландрия была царством изобилия, настоящим земным раем, где никто как будто не знал войн, голода или болезней.

На полпути к Лиру мою свиту встретили фламандские вельможи с женами. Женщины беспрерывно болтали; их платья имели глубокий вырез, из-под приподнятых юбок выглядывали крепкие лодыжки в разноцветных чулках. К моменту прибытия в Лир донья Ана сидела на муле словно статуя, с каменным выражением на лице, ясно давая понять, что, с ее точки зрения, Фландрия погрязла во грехе.

Построенный на берегах реки Нете, Лир сиял великолепием – увенчанный шпилями и пересеченный каналами. На балконах висели цветочные ящики и сохнущее белье, с мощных улиц слышался звон монет в бархатных кошельках торговцев, шедших по своим делам. Я с удовольствием разглядывала уличные лотки пирогов с мясом и сладких булочек, а Беатрис рассмеялась при виде рыночных прилавков, заваленных рулонами парчи, бархата, тканей всевозможных оттенков и тончайших брюссельских кружев.

– Это просто рай! – воскликнула она.

– Это какой-то Вавилон, – проворчала донья Ана.

«Это мой новый дом», – подумала я, въезжая через позолоченные ворота во внутренний двор дворца Габсбургов, Беркхаут-Мехелена.

Меня уже ждала сестра Филиппа, принцесса Маргарита, – высокая стройная девушка с искрящимися серо-голубыми глазами, чей облик слегка портили лишь выделяющийся нос и лошадиная челюсть. Поцеловав меня в губы, как будто мы были знакомы всю жизнь, Маргарита повела меня по разукрашенным коридорам в отделанную голубым атласом комнату. В соседних покоях я заметила громадную кровать, заваленную мехами. Пол устлали венецианские ковры, в мраморном камине горел огонь. В углу стояла высланная простынями деревянная лохань – как объяснила Маргарита, чтобы я могла принять ванну.

– Вы ведь хотите помыться после столь утомительного путешествия, oui?¹⁰

Маргарита как будто не помнила, что ей, обрученной с моим братом, вскоре предстояло точно такое же путешествие. Она хлопнула в ладоши, и ее фрейлины поспешили ко мне.

Я стояла в полном оцепенении, пока фламандки раздевали меня, словно рабыню на аукционе, и не сразу обрела дар речи. Стоило мне возразить, как все тут же замерли. Маргарита странно посмотрела на меня, но я вцепилась в свою сорочку.

– Я... я хотела бы помыться одна, – запинаясь, проговорила я по-французски.

Ко мне подошли Беатрис и мои фрейлины. Донья Ана и остальные дамы словно окаменели.

– Eh, bon.¹¹ – Маргарита пожала плечами. – Прослежу, чтобы вам приготовили ужин.

Снова поцеловав меня, как будто не произошло ничего особенного, она быстро вышла. Ее фрейлины, хихикая, последовали за ней.

– Да они просто варвары! – Я нервно рассмеялась, обхватив себя руками.

– Что верно, то верно, – кивнула Беатрис. – Ее величество была бы вне себя от гнева.

– Не сомневаюсь. – Я взглянула на лохань. – Но помыться все-таки стоит. Помогите-ка мне.

Под судорожные вздохи дам я стащила сорочку через голову и отбросила в сторону.

– Ни в коем случае! – воскликнула донья Ана. – Я тебе запрещаю! Чем наполнили эту ванну? Я даже отсюда чувствую запах духов в воде. От тебя будет пахнуть, как от какой-нибудь язычницы-одалиски!

¹⁰ Да? (фр.)

¹¹ Ну ладно (фр.).

– Какая разница, если после недель в море от меня пахнет как от козла?
Беатрис помогла мне забраться в лохань, и я расслабилась в ароматной воде.
– Вот это действительно рай, – вздохнула я.

Ко мне скользнула Сорайя и начала массировать ступни с благовонными маслами, которые магическим образом извлекла из карманов своего платья. Бросив на нас яростный взгляд, донья Ана развернулась кругом и начала отдавать приказы служанкам. Вскоре они уже тащили мои уцелевшие сундуки и перебирали их содержимое в поисках подходящей одежды.

Меня, раскрасневшуюся после ванны, одели в бордовое бархатное платье с рубином матери на шее. На фоне голубой комнаты я сияла подобно пламени. Донья Ана надела мне на голову вуаль, и тут же вошли Маргарита с вельможами. За ними следовали мужчины из моей свиты – все в той же грязной походной одежде, явно недовольные, что им даже не дали как следует отдохнуть.

Я с трудом подавила желание снять вуаль. По кастильской традиции только муж мог открыть лицо невесты королевской крови, но я считала ее столь же абсурдной, как мавританский обычай держать женщин в заточении. Замерев будто статуя, я услышала слова Маргариты:

– Какое красивое платье! А рубин просто великолепен, моя дорогая. Позвольте представить наших придворных, которым не терпится выразить вам свое почтение.

Я кивнула, слегка вздрогнув, когда эрцгерцогиня наклонилась ко мне и прошептала:

– Вся эта церемония крайне утомительна, моя дорогая, но они не желают следовать голосу рассудка. Остается лишь надеяться, что их речи будут коротки и вскоре вы сможете спокойно поужинать.

Не зная, что сказать, я наклонила голову. Эрцгерцогиня представила вельмож, а также бывшую свою гувернантку и фрейлину мадам де Гальвен, сухопарую женщину в желто-зеленом шелковом платье. Большинство имен вылетели у меня из головы в то же мгновение, когда их произнесли; я ничего не видела, кроме упитанных тел и оценивающих взглядов, пока в комнату не вошел дородный мужчина в темно-красной мантии. Его мясистое лицо лучилось улыбкой.

– Его преосвященство архиепископ Безансон, верховный канцлер, – провозгласила Маргарита.

Испанцы почтительно поклонились представителю церковных властей. Безансон был высшим духовным лицом Фландрии, равным по положению Сиснеросу в Испании. Именно его постскриптом вызвал недовольствие моей матери. Я присела было в реверансе, но он тут же выбросил вперед увешанную перстнями жирную руку, удерживая меня.

– Mais non,¹² мадам. Это я должен вам кланяться.

Кланяться он, однако, не стал, лишь слегка наклонил голову, после чего обратил свой взгляд к Маргарите и что-то отрывисто проговорил по-фламандски.

Я озадаченно посмотрела на эрцгерцогиню. Покраснев, та перевела:

– Его преосвященство желает знать, почему ваше высочество носит вуаль.

– Таков наш обычай, – вмешалась донья Ана, прежде чем я успела ответить. – В Испании невеста до венчания должна скрывать лицо от всех мужских взглядов.

Лицо Безансона расплылось в улыбке. Быстро подняв руку, я сняла раздражающую ткань. На мгновение наступила тишина. Затем Безансон воскликнул:

– Très belle!¹³

Словно по сигналу, фламандцы разразились аплодисментами. Архиепископ дал знак двум пажам, и те бросились прочь из комнаты.

– Это произвол! – рявкнула донья Ана. – Как он посмел нарушить приличия?

¹² Нет-нет (*фр.*)

¹³ Какая красота! (*фр.*)

– Он ничего не нарушал, – сквозь зубы ответила я. – Это сделала я. Не хочу, чтобы у него возникали какие-то сомнения. И похоже, ему понравилось.

– Какое он имеет право? – бросила донья Ана. – Он всего лишь...

Она обернулась, услышав за дверью шаги. Фламандцы заулыбались, эрцгерцогиня Маргарита коротко рассмеялась. Шаги стали громче, все приближаясь и приближаясь.

Вбежали пажы Безансона, кланяясь до пола.

Вошел высокий юноша в обтягивающем грудь кожаном камзоле и сапогах из кордовской кожи. Он снял шляпу, и по его плечам волной рассыпались золотисто-каштановые волосы. На лице с выступающей челюстью, орлиным носом и красивым ртом выделялись близко посаженные голубые глаза, такие же, как у Маргариты. Столь же безупречной была и его белая кожа.

Его полные губы медленно растянулись в улыбке.

Мне не требовалось объяснять, кто это. Сомнения быть не могло – то был принц, которого его подданные звали Филиппом Красивым. И действительно, я никогда еще не видела столь совершенной красоты, в которой, однако, не было ничего женственного. Чем-то он напоминал отважного молодого оленя.

Мне стало слегка не по себе. Он стоял в оглушительной тишине, уперев в бока руки в перчатках и разглядывая меня так, будто вокруг никого больше не было. Взгляд его упал мне на лицо, затем опустился на грудь и задержался там, словно он почувствовал, как участился мой пульс. Несмотря на откровенное бесстыдство принца, я вдруг ощутила, что мне льстит его внимание. Ни один мужчина в Испании не осмеливался смотреть на меня, женщину королевской крови, подобным образом. Я понимала, что мне следует вернуть на место помятую вуаль, но под откровенным взглядом принца все внутри у меня таяло.

Как и Безансону, принцу Габсбургу явно понравилось увиденное.

– Его высочество эрцгерцог, – запоздало произнес архиепископ Безансон, проследив, чтобы никто не забыл поклониться.

Филипп сбросил перчатки, подошел ко мне и, взяв за руку, поднес ее к губам. Я ощутила острый запах пота и лошадей, приправленный незнакомым солоноватым ароматом, который иногда исходил от моего отца.

– *Bienvenue, ma petite infanta*,¹⁴ – тихо проговорил он.

Я взглянула на его руку с прекрасными пальцами – сильными, сужающимися на конце, без единого шрама. Вряд ли эти руки когда-либо держали что-нибудь посерьезнее охотничьего лука или меча.

Я улыбнулась дрожащими губами. Казалось невозможным, что этот красавец – мой будущий муж. Готовая к тому, чтобы его в лучшем случае терпеть, а в худшем – презирать, я ожидала брака без любви, государственного союза ради блага Испании. Даже думала, что могу его возненавидеть, и у меня не возникало мысли, что он может пробудить во мне какие-то добрые чувства. Но впервые в жизни у меня возникло чудесное ощущение, будто в душе порхают бабочки.

Внезапно я поняла, что он ждет от меня ответа.

– Для меня это большая честь, ваше высочество, – с трудом пробормотала я.

Широко улыбнувшись, он повернулся к собравшимся:

– Я восхищен своей испанской невестой. Мы должны пожениться немедленно!

Его заявление произвело в рядах моей свиты эффект разорвавшегося пушечного ядра. Донья Ана пошатнулась, словно собираясь упасть в обморок, глаза других дам яростно вспыхнули. Даже Беатрис, похоже, стало неловко. Маргарита натянуто рассмеялась:

– Дорогой мой братец, неужели тебе так не терпится? Она только что прибыла из утомительного путешествия. Может, сперва поприветствуешь ее свиту?

¹⁴ Добро пожаловать, моя маленькая инфанта (*фр.*).

– Да, да, – махнул рукой Филипп, продолжая сжимать мои пальцы.

Мои сопровождающие приблизились к нему, и я, заставив себя сосредоточиться, начала называть их имена, как до этого делала Маргарита. За ними последовали дамы и фрейлины. Я слышала, как постукивает по ковру сапог Филиппа. Лишь когда пришла очередь духовенства, у него вдруг возник внезапный интерес.

– Мой учитель теологии, епископ Хаэна...

– Епископ? – прервал меня Филипп. – Посвященный в духовный сан?

– Да, ваше высочество. – Пожилой епископ остановился. – Я посвящен в сан.

– Превосходно! Тогда вы можете нас поженить.

– Я... – Епископ посмотрел на меня. – Боюсь, ваше высочество, не смогу.

– Почему? У вас что-то с речью и вы не можете прочесть пару обетов? – Филипп повернулся ко мне. – Что с ним такое, моя милая?

В его лазурных глазах мерцали белые пятнышки, похожие на алмазные осколки. Ни у одного мужчины я еще не видела столь длинных ресниц, таких светлых, что они казались свитыми из белого золота.

– Ну? – поторопил он, издав горловой смешок. – Что с ним такое?

– Ничего, ваше высочество! – выпалила я. – Но нам не подобает венчаться до...

– Не важно. Безансон!

Фламандский архиепископ поспешно шагнул вперед.

– Есть причины, по которым мы с инфантой не можем обвенчаться прямо здесь и сейчас?

– Никаких, – сдавленно фыркнул Безансон. – Вы должны лишь лично повторить обеты, чтобы освятить ваш союз. По каноническому праву ваши высочества уже муж и жена.

Филипп взял меня за подбородок:

– Можешь придумать хоть какую-то причину?

– Ради чести ее высочества, – воскликнула донья Ана, – она должна венчаться в церкви!

Даже не взглянув на нее, Филипп уставился на меня, словно пытаясь подчинить собственной воле. Вдруг я в замешательстве поняла, что мне самой этого хочется. Конечно, это был лишь порыв души, даже скандал, поскольку, естественно, имелось несколько причин, по которым мы не могли обвенчаться подобным образом. И главная из них состояла в том, что такого рода события полагалось праздновать долго и с размахом. Сейчас, в шестнадцать лет, мне предстояло принять первое по-настоящему взрослое решение, не зависящее от правил и обычаев. Внезапно я подумала, что смысла рассуждать на эту тему вообще никакого нет. Я никогда не знала Филиппа, и тем не менее меня отправили в такую даль, чтобы я стала его женой. Какая разница, случится это сегодня или через неделю?

– Не вижу никаких причин, ваше высочество, – наконец сказала я.

Донья Ана горестно застонала. Я повернулась к епископу Хаэна:

– Если не возражаете, святой отец...

Он не осмелился мне отказать.

– Библия, – срывающимся голосом проговорил он. – Нужна Библия.

Безансон немедленно принес требуемый том. С трудом сдерживая злость, моя свита опустилась на колени рядом с фламандцами. Эрцгерцогиня Маргарита встала с другими дамами.

Здесь, в этой комнате, без благовоний и алтаря, я стала женой Филиппа Габсбурга.

– Что Бог сочел, того человек не разлучит, – закончил епископ.

Филипп наклонился ко мне и прижался губами к моим. От принца пахло вином, и первый поцелуй показался мне не столь уж неприятным.

– А теперь – праздновать! – отстранившись, с торжеством объявил он.

* * *

Едва мы вошли в зал, как я поняла, что в подготовку предстоящего пиршества были вложены многие часы.

Столы на козлах тянулись через весь зал к возвышению под балдахином, где заняли места мы с Филиппом. Заиграли музыканты, вошли слуги, неся фаршированные засахаренными грушами печеные кабаньи головы, тушенных в вине с пряностями павлинов, цапель в медовой глазури, жаренные в корице олени окорока и множество незнакомых блюд под жирными соусами. При виде каждого блюда, которое ставили передо мной, я бросала вопросительный взгляд на Филиппа, и он называл его по-французски. Я улыбалась, притворяясь, будто понимаю.

Во время пиршества я не сводила взгляда с Филиппа, безуспешно пытаюсь найти в нем хоть каплю заносчивости сверх той, что считалась нормальной для человека его положения, черствость или избалованность, какую можно было бы ожидать от наследника империи. Он был внимателен и учтив, как и подобает хорошо воспитанному принцу. Лишь когда наконец подали десерт, он прошептал:

– Ты ведь ничего не узнала из того, что сегодня ела, *ma petite*?¹⁵

– Нет. Но я раньше ела домашнюю птицу, ваше высочество, и знаю ее вкус.

– Правда?

Он насадил на вилку кусок жареного мяса со своего серебряного блюда и поднес к моим губам. Я огляделась, желая оказаться подальше от сидевших под нами фламандских придворных, которые улыбались и толкали друг друга, глядя на нас так, словно знали нечто такое, чего не знала я.

– Вкусно, – проговорила я, взяв у Филиппа вилку. – Это ведь перепелка?

Он от всей души рассмеялся, и я почувствовала, как его рука скользнула под стол и коснулась моего бедра. Я замерла и даже не сразу поняла, чего испугалась. Он трогал меня так, словно я была ценным имуществом, любимой собакой или ястребом. Только теперь я поняла, что принадлежу ему и он может делать со мной все, что пожелает. Чтобы стать эрцгерцогиней Фландрии, женой Филиппа Габсбурга, я лишилась той небольшой свободы, которую имела инфантой.

Я пожалела, что не настояла на своем. Естественно, я знала, что ожидается от невесты в брачную ночь – если не в подробностях, то в общих чертах. Меня не оставляли мысли, что, по сути, сейчас и будет моя брачная ночь. Готова ли я отдаться чужому мужчине? Я сомневалась, что он новичок в подобных делах, как я, – с мужчинами такое бывало редко. Мне следовало настоять, что нужно подождать до надлежащей церемонии, сослаться на усталость или иное недомогание.

Но я знала, что лишь обманываю сама себя. Я согласилась потому, что сама этого хотела, потому что увидела в нем вызов, которому не смогла противостоять.

Я потянулась к кубку. Филипп взял свой. Слов никаких не требовалось – хватило одного лишь взгляда. После того как мы вместе выпили, сидевшая слева Маргарита наклонилась ко мне и прошептала на ухо:

– Вам не о чем беспокоиться, моя дорогая. Мой брат – такой же мужчина, как и любой другой, но венчание в соборе у вас обязательно будет. Безансон не откажется от возможности показать вас народу. Он считает наш союз с Испанией своим величайшим достижением на данный момент. Удивляюсь даже, что он не послал меня паковать сундуки прямо сегодня, чтобы как можно быстрее отправить в постель к вашему брату.

¹⁵ Моя малышка (*фр.*).

Я взглянула на сидевшего рядом с Филиппом архиепископа. Принц что-то тихо говорил ему, и тот кивал в ответ, но, похоже, его больше интересовала еда. Ел он руками, словно крестьянин. Мне это показалось не слишком приятным, но я была благодарна Маргарите за поддержку. Возможно, пришла пора рассказать ей о моем брате и его немалых успехах в роли принца.

Но в это время Филипп взял меня за руку и поднялся.

– Сыграйте бас-данс! – крикнул он музыкантам, ведя меня в центр зала. – Фламандский бас-данс в честь моей женитьбы.

Придворные одобрительно закричали, стуча кубками о столы так, что подпрыгивали приборы и блюда. Брови моей свиты поднялись еще выше – я почти чувствовала, как меня пронзают их взгляды. Для них моя свадебная церемония выглядела фарсом. Мне здесь было не место – я должна была пребывать в девичьем уединении со своими фрейлинами, пока меня должным порядком не обвенчают в церкви.

Все мысли о восхвалении достоинств Хуана тут же вылетели из головы. Как я могла танцевать с мужчиной, которого только что встретила и с которым, по мнению моей свиты, еще не была официально обвенчана?

– Идем, моя инфанта. – Филипп словно почувствовал мои опасения. – Покажем им, как танцуют вместе Испания и Фландрия.

Он подтолкнул меня вперед. Барабанный бой стал громче, и страхи оставили меня. Я замечательно танцевала, а бас-данс был одним из моих любимых: плавный ритм и замысловатые повороты и поклоны, требовавшие как выносливости, так и изящества. Филипп тоже оказался прекрасным танцором, и я с легкостью отвечала на каждое его движение, словно мы уже сто раз танцевали вместе.

– Ты просто потрясающая, – прошептал он.

Вероятно, я покраснела до корней волос: не обращая внимания на взгляды придворных, он поцеловал меня в губы так, что у меня перехватило дыхание. На этот раз оказалось куда приятнее – от поцелуя обдало жаром все тело с головы до пят.

Придворные вокруг нас пришли в неистовство. Фламандцы внезапно вскочили, сбрасывая блюда на пол, схватили за руки первых попавшихся женщин, в том числе нескольких моих дам, и потащили на середину зала. За несколько секунд нас окружила масса танцующих. Я плотнее прижалась к Филиппу, недоверчиво глядя, как фламандцы вертят вокруг себя моих перепуганных испанских дам.

Филипп усмехнулся. Я проследила за его взглядом: одна из моих спутниц отбивалась от неотесанного пьяницы. Мне тоже стало смешно: никогда еще я не видела столь неудержимого веселья. Нравы фламандцев были грубы, но они умели радоваться жизни.

– Твои соотечественники явно не рады. – Филипп посмотрел на меня, и взгляд его помрачнел.

У меня внутри все оборвалось: вельможи из моей свиты, которые привезли меня сюда и должны были взамен увезти в Испанию Маргариту, одновременно встали и вышли из зала.

– Тебе нужно идти, – добавил Филипп. – Не хочу стать поводом для дальнейших упреков со стороны твоей драконихи-дуэньи.

Он повел меня через толпу к дрожащей от ярости донье Ане. Остальные дамы, освободившись от непрошенных партнеров, окружили меня. Дуэнья вцепилась в мою руку.

– Пора уходить, ваше высочество, – произнесла она не терпящим возражений тоном. – Немедленно.

Взглянув на ее побагровевшее лицо, я направилась к дверям зала. Выходя, обернулась. Филипп стоял среди своих придворных, не сводя с меня глаз.

Я поняла – никакая донья Ана не сумеет его удержать.

Глава 6

Едва мы оказались в моих покоях, донья Ана повернулась ко мне:

– Какой позор! Что подумала бы ее величество твоя мать, будь она здесь? Уж наверняка объяснила бы, что пара обетов в передней – вовсе не свадьба!

При упоминании о матери меня обдало холодом.

– Именно ее величество прислала меня сюда. И эрцгерцогиня Маргарита сама сказала, что Безансон проведет венчание в соборе, на котором вы настаиваете.

– Ха! Что этот французский боров в шелках понимает? Разве не он бесцеремонно велел тебе снять вуаль, будто ты какая-то крестьянка? – Она помахала пальцем у меня перед носом, и ее толстые щеки дрогнули. – Похоже, тебе по душе, когда тебя выставляют напоказ, словно трофей. Тебе всегда хотелось быть в центре внимания.

– Ради Христа! – воскликнула я; дамы с судорожным вздохом преклонили колени. – Вы что, хотите сказать, будто есть что-то плохое в простом танце жены со своим мужем?

– Он тебе не муж! Вас обручили по доверенности в Испании – обручили, но не более того. По Закону Божьему то, чем ты собираешься заняться с ним сегодня ночью, – грех.

Дамы зашуршали платьями, что-то бормоча.

– Откуда вы знаете, чем я собираюсь заняться? – тихо спросила я.

– По тебе заметно, – фыркнула она. – Я твое распутство насквозь вижу. И, как твоя дуэнья, запрещаю тебе впускать его, если он посмеет приблизиться к твоей двери.

– Вы запрещаете мне? – Я взглянула ей в глаза, с удовольствием отметив, как она вздрогнула. После стольких лет подчинения донье Ане я наконец могла проявить власть. – Осторожнее, сеньора. Я больше не девочка, чтобы меня отчитывать!

– Даже девочкой ты не осмеливалась заходить столь далеко! – Лицо ее приобрело известковый цвет. – Если ты подпустишь его к себе до того, как будет освящен ваш брак, я снимаю с себя всякую ответственность, как и все твои дамы. В таких обстоятельствах мы более не можем тебе служить.

Я поколебалась: дамы были рядом со мной всю жизнь, помогая мне во всем том, что другим женщинам приходилось делать самостоятельно. Они отвернулись от меня, словно от заклейменной.

– Как пожелаете, – тихо ответила я. – Кому не нравится – может идти.

Еще не успев договорить, я удивилась собственной смелости. Что скажет моя мать, когда узнает? При мысли, что я бросаю ей вызов через море, меня охватила легкая дрожь.

Дуэнья выпрямилась во весь рост:

– Что ж, так тому и быть.

Она гордо вышла, и дамы тотчас же последовали за ней. Повернувшись, я увидела, что в комнате остались только Беатрис и Сорайя.

– Мы не покинем вас в вашу брачную ночь, ваше высочество, – сказала Беатрис.

Я благодарно вздохнула:

– Помогите мне раздеться.

Я стояла не шевелясь, пока меня передевали из пышного наряда в льняную ночную сорочку, которая неожиданно обнаружилась в сундуке. Сорайя начала стелить постель. Беатрис набросила мне на плечи шелковый халат цвета топаза:

– Я нашла его, когда искала ваше красное платье.

Я села за туалетный столик. Беатрис расплела мне косу и начала расчесывать волосы.

Уставившись невидящим взглядом в зеркало, я подумала, что Филипп наверняка придет ко мне сегодня ночью; мне предстоит совершить последний необратимый шаг и сделаться жен-

щиной. Отступать уже поздно – хотя я могла распорядиться запереть дверь на засов и передать через Беатрис, что события сегодняшнего дня меня утомили и мне нужно отдохнуть.

– Беатрис, – прошептала я, – как ты считаешь, я обвенчана перед Богом?

Беатрис на мгновение перестала расчесывать мне волосы и поймала в зеркале мой взгляд.

– Вам нечего стыдиться, ваше высочество. Вы обвенчаны. А то, что доньи Аны с ее вороной стаей здесь нет – даже к лучшему. Они не испортят вам ночь. Могу поклясться, они придушили бы страсть даже самого Люцифера.

– Ты несправима, – усмехнулась я.

– Я говорю то, что вижу. Вы его жена, он ваш муж, и дело с концом. – Она наклонилась ближе. – А если вы с прекрасным эрцгерцогом сделаете то, что естественно для супружеских пар, еще до конца года сможете стать матерью принца.

Невольно вздохнув, я ущипнула ее за руку. Беатрис подмигнула мне и повернулась к застывшей с подушкой в руках Сорайе:

– Эй, ты! Чего стоишь развесив уши? Застилай простыни. Его высочество эрцгерцог может появиться в любой момент и...

Она замерла. Замерла и я, услышав отдающееся эхом в коридоре непристойное пение. Беатрис снова начала возиться с моими волосами, приглаживая огненные кудри, но я отстранила ее:

– Я отлично выгляжу.

Но взглянуть в зеркало больше не было сил. Сердце отчаянно колотилось в груди.

В дверь постучали. Мы с Беатрис переглянулись. Стук раздался снова, на этот раз громче. Мы не двигались с места. В дверь ударили еще четыре раза.

– Пресвятая Дева, – проговорила я. – Лучше открой, пока не выломали дверь.

Вошли Филипп и еще трое – раскрасневшиеся от вина, в расстегнутых до пупка рубашках. Один из них игриво ухватил Сорайю, и Беатрис тут же метнулась к нему. Остановив ее, я подошла к идиоту и ударила его по руке.

– Что значит это вторжение? – спросила я тоном, которым могла бы гордиться донья Ана.

Похоже, они не замечали, что под халатом я вся дрожу.

– Таков фламандский обычай, – ухмыльнулся худощавый, пытавшийся приставать к Сорайе. – Любим смотреть, как новобрачные ложатся в постель. Если, конечно, не хочешь, чтобы мы сперва обновили ее сами, красавица.

Остальные расхохотались. Они что, и впрямь забыли, к кому обращаются? Я посмотрела на Филиппа:

– Ваше высочество, ваши обычаи пока не стали моими. Прошу вас отослать этих господ.

– Конечно, – кивнул Филипп. – Вон отсюда, господа.

С горестными стонами мужчины вышли, громко топоча. Беатрис шагнула ко мне, но Филипп сказал:

– Ты и девушка – тоже. Я хочу остаться наедине с моей женой.

Присев в реверансе, Беатрис взяла разгневанную Сорайю за руку и повела в переднюю.

Дверь закрылась. Легкий сквозняк погасил свечу у кровати.

Когда мы остались одни, Филипп показался мне просто огромным, великаном с похожими на тарелки ладонями. Я с тоской подумала о покоях, которые делила с сестрами, где мы перешептывались в темноте под тихий храп спящих на соломенном тюфяке фрейлин. Что я должна была сделать? Чего он от меня ждал? Перебрав в уме множество данных мне полезных советов, я вспомнила, что мать всегда предлагала отцу кубок вина, когда он возвращался после долгого отсутствия.

– Не хотите ли вина, ваше высочество? – едва дыша, спросила я.

– Думаю, с меня хватит, – тихо рассмеялся он. Его рука потянулась ко мне. – Иди сюда.

Я попяtilась, чувствуя, как пересохло во рту. Его пальцы ухватили меня за запястье и потянули к себе. Он наклонился ко мне, но я отвернулась.

– Прошу вас, ваше высочество, – прошептала я. – Я боюсь.

– Боишься? – Филипп помедлил. – Не думал, что ты способна на подобные чувства, моя огненная принцесса.

Кончики его пальцев ласкали мое запястье, будто перышко, и мне тут же показалось, словно рядом вспыхнули тысячи жаровен.

– Ну да. – Он улыбнулся, пристально глядя на меня. – Ты вовсе не боишься. Ты просто не уверена в себе. Но ведь ты же чувствуешь, моя милая Хуана? Чувствуешь, как я тебя желаю?

Сердце мое стучало, словно копыта несущихся галопом лошадей. Я судорожно вздохнула, не в силах пошевелиться. Другая его рука скользнула к моей талии, расстегивая украшенную драгоценными камнями пряжку халата, который соскользнул с плеч, легкий, словно крылья.

– Mon Dieu,¹⁶ – выдохнул Филипп, – ты еще прекраснее, чем я представлял. – Он поднял взгляд. – А я, моя инфанта? Как по-твоему – я прекрасен?

Я не могла произнести ни слова, но мое молчание стало для него ответом. Широко улыбувшись, он потянул запутавшиеся завязки своей рубашки.

Внезапно обретя уверенность, я отвела в сторону его пальцы и стала распутывать узлы. Чувствуя на лбу его горячее дыхание, раздвинула льняную ткань. Его грудь засияла в пламени оставшейся свечи. Я осторожно положила ладони на его кожу, восхищаясь ее гладкостью и крепостью мышц. Филипп застонал. Веки его затрепетали и опустились, и тут же вся моя смелость исчезла так же, как и появилась. Я растерянно отступила назад. Что я делаю? Он наверняка сочтет меня такой же распущенной, как полагала донья Ана.

– Нет. – Филипп снова сжал мою руку. – Не останавливайся. Обещаю, я не сделаю тебе ничего дурного.

Притянув меня к себе, он погрузил пальцы в мои волосы и отвел их назад с висков. Я почувствовала, как что-то твердое уперлось мне в ногу, и мне вдруг захотелось увидеть, что делает мужчину мужчиной.

Филипп прижался губами к моим. На этот раз его поцелуй был жарким и требовательным. Наконец я сделала то, чего хотела с того самого момента, когда впервые его увидела, – обхватив руками за плечи, прижалась к нему всем телом, чувствуя, как он развязывает тесемки моей ночной сорочки.

Врожденный язык наших тел взял верх. Мои руки страстно блуждали по его торсу, находя укромные места, прикосновение к которым заставляло его вздрагивать и стонать. Навалившись на меня, он стянул через голову мою сорочку, которая опустилась смятым облаком на пол.

Прежде мне не приходилось стоять обнаженной ни перед кем, кроме моих фрейлин, но стыда я не ощущала. Я знала, что у меня прекрасное тело, высокие твердые груди, стройная талия и тренированные годами верховой езды ноги. Взгляд Филиппа подтвердил мои мысли. Наклонив голову, он ласкал меня губами. Никогда прежде я не испытывала такого наслаждения. Я откинула голову назад, и губы его переместились ниже, возбуждая неведомый голод.

Едва слышный внутренний голос пытался предупредить меня, что на самом деле все должно быть иначе. Мне следовало ждать Филиппа в постели, а ему – задуть свечи и лечь рядом со мной, не снимая рубашки. Потом – краткий миг боли, и все. Нашей целью было зачать ребенка, а не разжигать в своих телах огонь, который, казалось, мог пожрать нас обоих.

Но желание, которое он пробудил во мне, уже невозможно было погасить. Он приподнял меня за талию, и я в диком экстазе обхватила его ногами. Наши тела слились в первобытном танце. Что-то шепча и обжигая жаром мои бедра, он опустил меня на постель.

¹⁶ Бог мой (*фр.*).

Лицо его скрывала тень, но он не сводил с меня взгляда.

– Покажи мне, – проговорил он. – Покажи мне все.

Внезапно рассмеявшись и ощущая неудержимую радость, я медленно и сладострастно развела ноги, хотя никогда прежде не думала, что способна на такое. Помедлив, Филипп растегнул гульфик и развязал тесемки панталон, которые бесформенной грудой упали у его ног.

Я никогда еще не видела ничего прекраснее.

Он словно весь состоял из мускулов и сухожилий, кожа его походила на белый камень, широкий торс переходил в стройные, полные ненасытной жажды бедра.

– Тебе нравится, маленькая инфанта? – спросил он, и я кивнула, сгорая от желания.

Он упал на постель. Пальцы его, казалось, были повсюду, изощренно обследуя мое тело и разжигая в нем еще больше огня. Наконец, когда я начала вся дрожать и слышала собственные хриплые вздохи, он закинул мои ноги себе на плечи и резким движением вошел в меня.

От острой боли у меня перехватило дыхание, и я инстинктивно выгнулась ему навстречу. Мы слились воедино, хватая друг друга руками и пожирая губами, пока все его тело не изогнулось дугой, извергая семя.

– Теперь, моя Хуана, – выдохнул он мне в ухо, – теперь мы единое целое.

Глава 7

Два дня спустя нас еще раз поженили – в соборе. Знати и духовенства, свидетелей нашего союза, вполне хватило, чтобы удовлетворить даже завышенные требования доньи Аны.

Последовало еще одно большое пиршество. Когда оно было в самом разгаре, Филипп схватил меня за руку и со смехом потащил через дворец в мои покои. Заперев дверь, он бросил меня на ковер и стал срывать одежду. С ковра мы переместились на кровать, лаская друг друга руками и губами на пахнущих лавандой простынях. Следуя его стонам и шепотам, я старалась показать ему, что быстро учусь, находя удовольствие не только в том, что он делал со мной, но и давая ему то, чего желал он сам.

Позже, лежа среди смятых простыней и глядя в потолок, я вдруг поняла, что вспоминаю тот день, когда перед моими глазами впервые предстало великолепие покоренного мира мавров. Тогда я чувствовала то же, что и сейчас, – невероятный восторг и веру в чудо.

Я повернулась к Филиппу. Он лежал, закинув руку на лоб.

– Что? – пробормотал он, привлекая меня к себе.

Глаза его были полужакрыты, словно он боролся со сном.

– Хочу рассказать тебе про Испанию, – прошептала я.

– Давай, – лениво улыбнулся он. – Расскажи.

И я начала рассказывать, воссоздавая в погруженной во мрак комнате краски и образы моей страны. Я вновь переживала поход на Гранаду и видела мать в воинских доспехах во главе ее войска. Снова слышала свист катапульта и вызывающий смех отца, шагавшего через ряды бойцов. Стояла на берегу океана, глядя, как уходит в море Колон на галеонах, которые мать купила на свои драгоценности; ехала вместе с процессией в Толедо, чтобы увидеть возвращение Колона с экзотическими птицами в клетках и туземцами из неведомых земель. Танцевала в зале, ссорилась и мирилась с сестрами, следовала за слетавшимися на закате летучими мышами и в последний раз смотрела на молчаливую, похожую на льва Альгамбру. Закончив, я обхватила руками колени, и глаза мои наполнились слезами.

Филипп лежал рядом столь тихо, что мне показалось, будто он заснул. Я наклонилась к нему, но глаза его были открыты.

– Фелипе, – тихо сказала я на моем родном языке. – Что случилось? Ты такой грустный.

Он вздохнул:

– Я думал о своей семье. Или о том, что можно назвать моей семьей. – На меня он не смотрел. – Моя мать погибла, когда я был еще младенцем. Отец настолько ее любил, что не смог вынести потери – или, возможно, ответственности за воспитание собственных детей. Он отправил меня сюда, а сестру во Францию, как будущую невесту короля Карла. Карл в конце концов отверг Маргариту, но к тому времени, когда мы воссоединились, мы с ней уже выросли. В детстве мы друг друга не знали.

Я не могла такого представить. В основном я проводила время вдали от родителей лишь летом в Гранаде, и даже тогда со мной были сестры. Мать тщательно наблюдала за нашим воспитанием, подбирая учителей, исправляя наши тетради и составляя распорядок дня. Несмотря на ее вездесущее присутствие, я всегда считала, что мне повезло: королевских детей часто отсылали в их собственные владения, где их растили чужие люди.

– А твой отец? – решила спросить я. – Он тебя навещал?

Филипп холодно улыбнулся:

– Отец предпочитает Вену, откуда он может править своей могущественной империей. Он навещал меня раз в год – проверял мои расходы, интересовался моим образованием, а потом уезжал. Как-то раз, еще мальчишкой, я пытался упротить его остаться, держась за стремя. «Твое место здесь, – ответил он из седла. – Я не желаю видеть тебя плачущим, словно

девчонка. Мы принцы, а принцы должны учиться жить одни. Мы ни в ком не должны нуждаться. И нам не подобает проявлять слабость».

Жестокие слова напомнили мне то, что сказала мать в Аревало. Я почти не знала мужчину рядом, но у нас было нечто общее: мы оба чувствовали себя зажатыми в железные тиски долга, навсегда отделявшие нас от остального мира.

– Я слышала похожие слова, – тихо сказала я. – Действительно, тяжкий урок.

– Для меня – вряд ли. – Филипп пожал плечами. – Я понял, что действительно без многого могу обойтись, включая отца. По крайней мере, пока мне не исполнилось двенадцать. – Голос его потеплел. – Как раз тогда мне начал служить Безансон – отец назначил его моим духовником. Он научил меня всему, что требовалось знать принцу. В четырнадцать лет меня сочли достаточно взрослым, чтобы править Фландрией от имени отца, и первое, что я сделал, – ходатайствовал перед Римом о разрешении Безансону стать моим канцлером. Хотя он остается архиепископом, главный его долг – служить мне.

О столь необычных назначениях я никогда прежде не слышала.

– У моей матери есть доверенный советник, в чем-то похожий на него, – архиепископ Сиснерос. Он глава толедского престола, самого большого в Кастилии. Но он лишь наставляет мать в вопросах религии.

– Да, я о нем слышал. – Нарочито понизив голос, Филипп скрючил пальцы возле лица, подобно когтям. – Говорят, он настолько набожен, что постоянно охотится за нехристями, где бы те ни скрывались, и круглый год ходит в сандалиях, независимо от погоды.

Рассмеявшись, я прижалась к нему, и он поцеловал меня в лоб.

– Пора спать, маленькая инфанта. Завтра нам рано вставать: мы едем в Антверпен, где Маргарита сядет на корабль в Испанию. Потом в Брюссель. А после я покажу тебе нашу будущую империю.

Взъерошив мои волосы, он еще раз поцеловал меня и отвернулся. Вскоре он уже спал.

Приподнявшись на локте, я взглянула на его профиль.

Из-за избытка чувств, охвативших меня после приезда во Фландрию, мне даже не пришло в голову, что ему всего семнадцать. Да, по королевским понятиям он считался уже мужчиной и правителем, но вряд ли его было можно назвать взрослым, как телом, так и душой. Глядя на его широкие плечи, я вспомнила, как разозлилась на собственную судьбу, узнав о скором замужестве. Я обвиняла Филиппа в том, что он разлучил меня с Испанией, страстно желала бежать прочь от ответственности без любви, которую, как я тогда считала, повлечет наш брак.

Теперь же все мои опасения казались страшно далекими, словно капризы наивного перепуганного ребенка. Мы с Филиппом были предназначены друг для друга. Я могла стать для него не просто женой и сосудом для его семени. Мы оба были молоды, и впереди у нас лежала вся жизнь. Вместе мы могли сделаться благородными и мудрыми правителями. Мы могли передать власть и богатство нашим детям, а затем уйти на покой и вместе стареть, предаваясь воспоминаниям. А когда наши кости превратятся в прах в мраморной гробнице, наша кровь продолжит править после нас, пока сам мир не прекратит существовать.

Я свернулась в клубок под боком у Филиппа. Он что-то пробормотал и сонно подвинулся, положив мою руку себе на грудь. Под пальцами сильно и ровно билось его сердце.

Закрыв глаза, я погрузилась в сон.

* * *

Мы тепло распрощались с Маргаритой в Антверпене, где началось ее путешествие в Испанию. Затем отправились в Брюссель, густонаселенный живописный город на севере Фландрии. Буйный пейзаж вокруг очаровывал взгляд, но меня поразило, как невелико было герцогство Филиппа, зажатое, словно бисквит, между севером Франции и широко раскинув-

шимися германскими княжествами. На поездку из Гранады в Толедо требовались недели, но до шумной столицы Фландрии мы добрались всего за четыре дня. Казалось, вся страна могла поместиться в уголке Кастилии и еще осталось бы свободное пространство. Может, именно потому я практически не встречала признаков бедности или необитаемых каменистых просторов. Здесь все имело свою цель и свое место.

Богато украшенные покои герцогского дворца Филиппа поразили меня до глубины души. Здешний двор напоминал целый город – я никогда еще не видела столько народу. В Кастилии Реконкиста сократила численность придворных до минимума, поскольку приходилось быть готовыми в любой момент отправиться в путь. Во Фландрии же, казалось, единственной причиной для переезда мог стать лишь собственный запах; более того, фламандцы утопали в показной роскоши, подчеркивая непрестанное стремление к богатству. Где же еще имелись все возможности сделать состояние, как не при дворе? Соответственно, туда стремились все – епископы и прелаты, вельможи и их свита, послы и секретари, вездесущие льстецы и нахлебники, бесчисленные слуги и лакеи.

И конечно, женщины – множество женщин. Жены и дочери, любовницы, знатные дамы и куртизанки – все цеплялись за доступную их полу ограниченную власть, каждая была полна решимости познакомиться со мной и добиться моего расположения. В кричаще-ярких платьях, с накрашенными лицами, они постоянно прихорашивались, бесстыдно флиртовали и строили интриги не хуже священников.

Собираясь днем на галереях, они обменивались шутками о нынешних и прошлых любовниках, обсуждали моду на чепцы и болтали о политике. Казалось, они знали обо всем, что происходило при каждом европейском дворе, – кто, что, когда и с кем. Я слышала о распрях в Англии, куда было суждено отправиться моей сестре Каталине, об ужасной тридцатилетней гражданской войне, истребившей английскую знать и положившей начало династии Тюдоров под властью Генриха Седьмого. Я узнала о предательствах французов и их стремлении овладеть Италией, о продажных Валуа и их наследии алчных королей. Поскольку я была главной дамой двора, эрцгерцогиней, меня неумолимо затягивало в их сети, словно муху в паутину. Лестью и комплиментами они вовлекали меня в свои беседы, засыпая вопросами.

Я обнаружила, что Испания для них – далекая экзотическая страна, окутанная предрассудками и тьмой мавританского владычества, и что мою мать почитают как королеву-воительницу. Им хотелось как можно больше знать о падении Гранады, о путешествиях Кристофора Колона, и правда ли, будто калифы держали своих жен в заточении, обезглавливая любого, кто осмеливался на них хотя бы взглянуть. С раскрытым ртом они слушали мои рассказы об охранявших гарем евнухах, о том дне, когда я увидела Боабдила низложенным. Взамен они учили, как с помощью пудры скрыть оливковый оттенок моей кожи, и убеждали меня, что в их откровенных платьях я буду смотреться просто великолепно.

Естественно, все это могло привести лишь к одному.

Примерно через месяц после моего приезда в Брюссель, когда я стояла со своими фрейлинами у себя в комнате, примеряя последнее из новых платьев, заказанных к предстоящей поездке по территориям Габсбургов, ворвалась донья Ана:

– Я не потерплю подобной дерзости! Только взгляни на себя! Такой корсаж годится разве что для женщины дурного поведения. И твои волосы должны быть завязаны лентой, как подобает даме, а не болтаться из-под той бессмыслицы, что сейчас у тебя на голове.

– Это французский чепец, – коротко ответила я.

Я надеялась, что моя дуэнья и остальные дамы заняты повседневными делами по хозяйству, вверив мои личные нужды другим. Следовало догадаться, что надолго ее терпения не хватит, и меня вовсе не радовал подобный скандал в присутствии фламандских женщин во главе с мадам де Гальвен.

– Так вот, значит, до чего дошло? Инфанта хвалит моду смертельных врагов Испании?

Я стиснула зубы, чувствуя, что еще немного и я не выдержу.

– Донья Ана, это всего лишь головной убор, – услышала я голос пытавшейся разрядить обстановку Беатрис.

– Всего лишь головной убор, говоришь? – Донья Ана повернулась к мадам де Гальвен.

Фламандская дама стояла неподвижно, худая, словно высохшая ветка; с ее пояса свисала на цепочке подушечка для булавок.

– Это все вы, мадам! – обвинила ее дуэнья. – От вас одни беды. Своими причудами вы лишь морочите голову ее высочеству! Она – испанская принцесса, и подобные платья ей ни к чему.

Мадам де Гальвен даже не стала повышать голос:

– Ее высочество сказала, что у нее нет ничего подходящего для придворных выходов, поскольку ее приданое утонуло вместе с кораблем. Я просто ответила ей, что, как эрцгерцогиня, она всегда должна выглядеть соответственно своему положению.

– И тут же снабдили ее гардеробом, достойным шлюхи! – Донья Ана снова развернулась ко мне. – Тебе следовало написать в Кастилию. Ее величество вряд ли позволила бы иностранке тебя одевать.

– Может, и нет, – уже жестче ответила я, – но мне в любом случае нужен новый гардероб.

Я повернулась к фрейлинам, ждавшим с частями прекрасного ярко-желтого бархатного платья в руках.

– Начинайте, – велела я.

Женщины поспешно облачили меня в нижнюю юбку и корсаж с золотыми вставками. Затем они пристегнули подбитые рысьим мехом рукава, завязали тесемки на поясе и корсаже, стянув талию. Я вызывающе посмотрела в зеркало, скрывая недовольство низким квадратным вырезом, обнажавшим груди почти до сосков.

– Это скандал! – взорвалась донья Ана. – Когда это испанская инфанта сама выбирала себе гардероб, а тем более красовалась в столь бесстыдном наряде?

Похоже, она зашла чересчур далеко. Я развернулась кругом:

– Хватит! Я не желаю, чтобы со мной разговаривали как с ребенком!

У доньи Аны отвисла челюсть. Прежде чем она успела вновь обрести дар речи, мадам де Гальвен шагнула ко мне.

– Пожалуй, этот рукав стоит приподнять у плеча, – пробормотала она.

Стоявшие вокруг фламандские девушки перевели взгляд с доньи Аны на мадам Гальвен и снова на меня. Беатрис подошла к донье Ане:

– Сеньора, пойдемте прогуляемся. Что-то вы побледнели.

– Да, – многозначительно добавила я, властно махнув рукой, – идите с Беатрис.

Донья Ана тяжело направилась к выходу. Уже когда закрывалась дверь, я отчетливо услышала ее голос:

– Ей это просто так с рук не сойдет. Сегодня же напишу в Испанию, да поможет мне Бог.

Мадам де Гальвен махнула девушкам:

– Вы тоже идите работайте. Нужно прибраться в спальне ее высочества.

Я взглянула на свое отражение. Даже донья Ана не испортила впечатления. Платье могло показаться неприличным по испанским меркам, но оно было куда роскошнее всего того, что я когда-либо носила. К тому же все говорили, что у меня красивая грудь, – почему бы ее не открыть? Вуали и платья с высоким воротником при дворе Габсбургов были не в моде.

Мадам де Гальвен встретилась со мной взглядом.

– Не могу не отметить, – многозначительно сказала она, – что вспышки гнева вашей дуэньи заметно участились. – Она вздохнула. – Вы проявили удивительную сдержанность, ваше высочество, учитывая, что она ведет себя так, будто мы не способны что-либо решать сами.

Интересно, что она станет делать, когда вы отправитесь в путешествие с его высочеством? Территории Габсбургов велики: Германия, Австрия, Голландия. Поездка может занять месяцы.

Я сразу же поняла ее намек, представив, какой ущерб может нанести донья Ана, когда Филипп, по сути, будет представлять меня нашим будущим подданным. Когда мадам присела подровнять подол, мне вдруг стало ясно, что еще одной стычки с дуэньей я просто не вынесу.

– Мадам, я подумала: может, мне на время освободить своих дам от обязанностей, по крайней мере, пока я не вернусь из поездки? Что посоветуете?

Она наклонила голову:

– Пожалуй, это разумная мысль. Бедняжки, для женщин их возраста тяжела одна лишь перемена климата. – Она подправила мою юбку, заколов подол булавками. – Может, ваших дам поселить куда-нибудь, пока вашего высочества не будет?

В зеркале я увидела отражение ее улыбки:

– Вам не о чем беспокоиться, ваше высочество. После вашего отъезда во дворце для них вполне хватит места.

– Правда? Похоже, тут повсюду толпы. Я даже слышала, будто те придворные, которым повезло меньше, спят на сене вместе с собаками.

– И тем не менее комнаты мы им выделим.

Я задумалась. Если для них и впрямь найдется подходящее жилье – это идеальное решение, которое даст моей дуэнье и мне столь необходимую передышку друг от друга. Как бы там ни было, я любила донью Ану. Да и как могло быть иначе: ведь она помогала нас растить. Мне просто не хотелось, чтобы она вмешивалась в дела, которые я считала своими личными, и бесконечными тирадами пыталась произвести впечатление на окружающих.

– Вы можете гарантировать, что к ним будут хорошо относиться?

– Вне всякого сомнения. Мы оплатим их содержание из ваших личных средств.

Я еще немного подумала, пока мадам де Гальвен возилась с моим платьем, и наконец сказала:

– Что ж, займитесь этим. Перемена наверняка пойдет всем нам только на пользу. – Я рассмеялась, хотя и слегка нервно. – То есть всем нам, кроме доньи Аны.

Глава 8

Когда донье Ане сообщили, что ни она, ни другие мои испанские дамы не будут меня сопровождать, случился грандиозный скандал. Она угрожала вернуться в Испанию на ближайшем корабле; я ответила, что готова оплатить ей проезд, после чего отказалась далее с ней общаться. Пышно отпраздновав вместе с Филиппом новый 1497 год, мы отправились в наше путешествие.

В пути мы получили известие, что Маргарита и мой брат Хуан с большой pompой обвенчались в Испании. С ним пришло другое, печальное: когда свадебные торжества были в самом разгаре, в Аревало тихо умерла моя бабушка.

Смерть ее неожиданно стала для меня глубоким горем. Я не забыла о своем визите к ней, и однажды ночью в постели едва не призналась во всем Филиппу, желая избавиться от тяжкого бремени тайны. Но что-то подсказало мне, что он не поймет. Прожив большую часть своей жизни без семьи, он наверняка счел бы мою мать холодной и жестокой, такой же, как его отец. Так что я лишь горько улыбалась, вспоминая взгляд бабушки и ее шепот: «Почему ты боишься?»

И все же дурные мысли оставляли меня по мере того, как мы ехали дальше. Филипп желал показать меня своему народу. В каждом городе, куда мы въезжали, нас приветствовали ликующие толпы. Нам устраивали изысканный прием, местные мэры выходили к нам с золочеными ключами и торжественными заявлениями. Передо мной начала открываться вся страна – усеянные тюльпанами поля и яркие, словно только что отчеканенные монеты, города. Сверкающие реки пересекали долины, столь изобиловавшие дичью, что, как рассказывал Филипп, почти не приходится натягивать лук, а взгляд очаровывали обширные леса.

Но тем не менее я не видела ничего, что могло бы сравниться с прекрасными просторами Испании: ни суровых горных плато, спускавшихся в плодородные долины, ни бескрайнего, постоянно меняющегося неба. Во Фландрии все казалось мне новинкой, удачно дополнявшей мою замужнюю жизнь, и вскоре я уже бросала в толпу монетки из своего кошелька с незнакомой в моей стране щедростью, наслаждаясь видом безымянных лиц, смотревших на меня, словно на богиню.

* * *

В конце апреля мы прибыли в Австрию, королевство Габсбургов, чтобы нанести недельный визит отцу Филиппа, императору Максимилиану. Мой высокопоставленный свекор, правитель половины цивилизованного мира и наследник желанной короны Священной Римской империи, оказался степенным мужчиной; его отличало крепкое здоровье и практически полное отсутствие чувства юмора. Роскошный дворец императора заполняли честолюбивые ученые и художники, искавшие его расположения, и повсюду бросались в глаза свидетельства его богатства. В качестве приветственного подарка я получила изумрудное ожерелье, столь тяжелое, что его больно было носить. Мы ужинали с Максимилианом и его второй женой-императрицей, уроженкой Италии, с золотых блюд, инкрустированных таким количеством драгоценных камней, что я с трудом могла подцепить что-либо вилкой. Меня не оставляли мысли, что моя мать заложила свои драгоценности и переплавилла посуду, лишь бы найти средства на войну, и до сегодняшнего дня ей приходится чинить и перешивать платья, экономя каждую монетку, чтобы вернуть драгоценности от кредиторов.

При австрийском дворе я побывала на своей первой и последней медвежьей травле, устроенной в честь нашего визита. О подобном обычае я слышала, но оказалась не готова к жалобному реву привязанного к шесту в яме гордого черного зверя, которого рвали на части

мастифы под радостные крики собравшихся вокруг придворных. Медведь сумел выпустить кишки трем злобным псам, пока не завалили его самого, но к тому времени мне стало плохо от запаха крови и внутренностей, и меня тошнило при виде того удовольствия, что получали придворные от страданий несчастных животных. Извинившись, я встала вместе с фрейлинами, у которых точно так же позеленели лица. Филипп не обращал на меня внимания: покрасневшись от воплей, он думал лишь о выигрыше пари, заключенного с своими друзьями. Я направилась прочь, шатаясь, прижав ладонь ко рту и мечтая о глотке свежего воздуха. И тут послышался насмешливый голос Максимилиана:

– Никогда не слышал, чтобы испанец впадал в уныние при виде крови.

Я едва не возразила, что уныние тут вовсе ни при чем и подобного варварства он в Испании никогда бы не увидел, но потом вспомнила, как Сиснерос сжигал нехристей, и закрыла рот. И все же я поклялась, что никогда больше не стану свидетельницей подобных мучений.

Я также собственными глазами увидела напряженность в отношениях Филиппа с отцом, подтверждавшую все то, что рассказывал мне муж. Хотя внешне отец и сын были очень похожи, они почти не разговаривали и не проявляли друг к другу ни малейших чувств. Когда подошло время уезжать, даже прощание выглядело тщательно отрепетированной церемонией, лишенной какого-либо тепла.

После этого мы с Филиппом были вынуждены расстаться – впервые после свадьбы. Он отправлялся на официальное собрание Генеральных штатов – руководящего органа, состоявшего из представителей государств – субъектов империи, а мне предстояло вернуться в Брюссель. Я предпочла бы остаться с ним, но он заверил, что у него не будет ни минуты свободного времени, так что мне останется лишь скучать.

– Не говоря уже о том, что твое присутствие будет меня постоянно отвлекать, – подмигнув, добавил он.

Вместе со своей свитой я вернулась в наш дворец. На следующий день после приезда я направилась в галерею – мне не терпелось рассказать дамам, которых не было со мной, о своих приключениях. Должна признаться, мне нравилось быть в центре внимания, и отказываться от этой роли не было никакого желания.

Купаясь в лучах собственной славы, я не сразу заметила робкую девушку-служанку, которая осторожно подошла ко мне с опущенными глазами:

– Прошу прощения, ваше высочество...

Улыбнувшись, я повернулась к ней. Во время поездки ко мне подходили многие такие же девушки, надеясь получить ленточку из моих волос или кусочек кружев с моей манжеты, словно любая вещь, касавшаяся моей персоны, становилась талисманом.

Между нами встала мадам де Гальвен:

– Ее высочество не желает, чтобы ее беспокоили. Убирайся, девчонка!

Подняв руку, я обошла вокруг мадам и приблизилась к съежившейся фигурке. Девушка была совсем юная: тысячи таких же готовили нам еду, чинили белье, выколачивали пыль и чистили камин. Пример матери научил меня проявлять доброту к тем, кто мне служил, ибо признак королевской власти – справедливость, а не гордыня.

– Подойди, дитя мое. Чего ты хочешь?

Девушка достала из кармана передника клочок бумаги.

– Это прислали вам ваши дамы, – пробормотала она и поспешно отступила.

Нахмурившись, я взглянула на бумагу. Почерк был неровным, чернила выцвели, но слова читались отчетливо: «Somos prisioneras». «Мы в тюрьме».

– Что это значит? – спросила я девушку. – Откуда это? Говори!

Ко мне подошли Беатрис и Сорайя.

– Это от госпожи по имени донья Франсиска, – зашептала девушка, и у меня сжалось сердце. – Она попросила меня передать это вашему высочеству. Очень просила. И еще она велела сказать, что донья Ана больна.

Для меня этого было достаточно.

– Беатрис, Сорайя, идите со мной. Нанесем визит нашим дамам.

Мадам де Гальвен шагнула ко мне, но хватило одного моего взгляда, чтобы ее остановить.

– Без посторонних.

* * *

Я в ужасе огляделась, стоя у подножия лестницы в полуразвалившейся части дворца. Обитель моих дам, если можно было ее так назвать, представляла собой винный погреб с заплесневелыми стенами без окон и каменным полом, где трещины были засыпаны соломой. «Да я здесь бы даже мула не поставила», – подумала я, с комком в горле глядя на ветхие тюфяки, одеяла и кучу углей посередине, где женщинам приходилось жечь щепки, чтобы согреться.

Я подала знак Беатрис: та вознаградила девушку за доброе дело кошельком и отослала прочь. Четыре женщины жались друг к другу, закутанные в грязную одежду. Лица их осунулись, они выглядели больными. Прежде чем отправиться в путешествие с Филиппом, я распорядилась выделить средства на их содержание, полагая, что этим обеспечу им благополучие. Как такое могло случиться? Как долго они тут пробыли?

Подойдя к тюфяку, на котором лежала донья Ана, я опустилась на колени.

– Донья Ана, – прошептала я, – Донья Ана, это я, ваша Хуана. Я здесь.

Глаза дуэньи открылись, явив лихорадочный блеск.

– Мiа пiйа... – прохрипела она. – Дитя мое, позови священника. Я умираю.

– Нет, нет. Вы не умрете. – Я сбросила шаль и накинула на нее. – Это всего лишь трехдневная лихорадка, как у вас часто бывало в Кастилии. Как только мы приезжали в Гранаду, вы сразу же поправлялись.

– Здесь мне нет облегчения, – прошептала она.

Я в гневе посмотрела на донью Франсиску де Айялу, стоявшую передо мной, словно призрак.

– Как это случилось? Почему мне никто не сообщил?

– Мы пытались, ваше высочество. – Она встретилась со мной взглядом. – Нам запретили вам писать.

– Запретили? – Голос мой сорвался. – Кто? Говорите немедленно!

– Мессир Безансон. Его секретарь заявил, что поместить нас сюда приказали вы и что если мы будем жаловаться, то можем отправляться в Испанию. – Она горько усмехнулась. – Похоже, он рассчитывал, что мы пойдем туда пешком.

– Не может быть! – Я бросила взгляд на Беатрис. – Я заплатила за ваше содержание из собственного кошелька. Мне говорили, что о вас позаботятся.

Донья Франсиска достала из кармана потрепанного платья пачку связанных веревочкой помятых листков и бросила передо мной.

– Это письма, которые мы вам писали. Каждый день, неделю за неделей. И все они возвращались назад. Потом однажды ночью к нам пришли и заперли нас в подвале. Лишь случайно нам удалось найти выход.

Я протянула к бумагам дрожащую руку.

– Случайно? – переспросила я.

– Да. Едва мы поняли, что помощи ждать неоткуда, то в отчаянии обратились с просьбой к служанке, приносившей нам еду. Она сжалась над нами и согласилась передать записку

лично вам, как только вы приедете. Если, конечно, с вами не будет мессира Безансона. Нам повезло, что он не приехал. Иначе вы могли бы найти пять трупов.

Безансон остался с Филиппом. Пропутешествовав с нами по всей Фландрии, он удалился в какой-то из своих домов. На его тучную колышущуюся фигуру я старалась не обращать внимания и даже не догадывалась, что все это время он знал о страданиях моих дам, вынужденных питаться скудной едой, которую стыдно было бы предложить конюху или посудомойке.

Меня охватила слепая ярость. Да, я сама это допустила, но лишь по неведению, не в силах даже вообразить подобного предательства. В это мгновение моя неприязнь к главному советнику моего мужа, человеку, которого Филипп считал своим единственным настоящим отцом, превратилась в ненависть.

Поклявшись себе, что добыю его низложения, я встала, сжимая в руке пачку писем.

– Сорайя, займись доньей Анной. И помоги донье Франсиске и остальным собрать вещи. Я сообщу, куда им надлежит перебраться. Беатрис, идем со мной. У меня срочное дело.

* * *

Я позвала к себе мадам де Гальвен.

– Вы смеете утверждать, будто ничего не знали? Как так может быть? Разве не вы сами говорили, что мои дамы ни в чем не будут нуждаться?

К ее чести, мадам была крайне расстроена.

– Ваше высочество! – Она была бледна и вся дрожала. – Клянусь, я в точности передала ваше распоряжение! Я сказала им, что вы заплатите из собственного кошелька. Я...

– Да? Что, мадам? Говорите!

– Я ничего не знала!

Она потупила взгляд, и мне показалось, что сейчас она упадет в обморок у моих ног. Она опасалась худшего, и не зря: я всерьез подумывала немедленно отправить ее в тот самый подвал, который собирались покинуть мои женщины.

– Ваше высочество, мессир Безансон сказал, что позаботится о жилье для ваших дам. Он прямо распорядился, чтобы его извещали обо всем, что происходит при вашем дворе.

– Да, мне об этом говорили. Насколько я понимаю, мессир архиепископ также читал мою переписку раньше меня самой. Как только вернется мой муж, я намерена принять надлежащие меры. Пока же мне хотелось бы лично проверить состояние моих финансов и выяснить, как могла случиться подобная катастрофа. – Я сурово посмотрела на мадам де Гальвен. – Сейчас же, мадам!

Она поспешно вышла и вернулась несколько минут спустя с гроссбухом в кожаном переплете, которого я никогда не видела. Ее сопровождал испуганный, похожий на птицу господин, которого я тоже никогда не встречала, хотя, судя по всему, именно он отвечал за содержание гроссбуха. Низко поклонившись, он представился моим казначеем и начал педантично разъяснять, откуда поступали в мой личный кошелек деньги и куда они из него уходили. Мадам стояла рядом, комкая в руках край платья. Слушая путанные объяснения бедняги и глядя на ряды цифр, я только сейчас поняла, что меня могли попросту ограбить и я никогда бы об этом не узнала. Несмотря на все мое образование, тонкости управления личными финансами в программу моего обучения не входили.

– Моим дамам пришлось терпеть невыносимые лишения, – наконец с нарочитой суровостью прервала я его. – Не могу понять, почему вы не воспользовались средствами, которые я выделила на их содержание.

– Средствами, ваше высочество? – заморгал он, словно я была неким странным существом, чей язык он не вполне понимал. – Мне не известно ни о каких подобных средствах.

– Как вам может быть неизвестно? Я сама написала расписки, прежде чем уехать вместе с мужем.

– Да, о расписках мне известно. – Он перелистал страницы гроссбуха и ткнул в него пальцем. – Вот, смотрите – я передал их на одобрение секретарю мессира архиепископа. Но ни одна из них не касалась содержания ваших дам. Более того, мне сказали, что ваше высочество уволили их со службы и они должны вернуться в Испанию.

Я захлопнула гроссбух, едва не прищемив пальцы. Казначей попятился, словно ожидая удара.

– Вот как? – произнесла я тоном, способным заморозить мед. – Так знайте же – я эрцгерцогиня Фландрии, и я не помню, чтобы отдавала подобные распоряжения. Я требовала для моих дам лишь обычного отдыха и нескольких комнат, где они ни в чем бы не нуждались. Похоже, придется напомнить мессиру Безансону, что правит здесь вовсе не он.

Казначей схватил свой гроссбух и выбежал за дверь. Мадам в страхе взглянула на меня:

– Боюсь, вы не понимаете, ваше высочество. Умоляю вас, не пытайтесь ему противостоять. Он пользуется огромным уважением как у двора, так и у его высочества вашего мужа. Выступая против него, вы рискуете стать худшим его врагом.

Я молча смотрела на нее. Где-то в моей голове прозвенел предупреждающий звоночек, но я предпочла не обращать на него внимания. Я не могла позволить, чтобы Безансон вмешивался в дела моего двора или принимал за меня решения.

– Благодарю за совет, мадам. И ни в чем вас не виню. Можете идти.

Быстро присев, она вышла.

* * *

К ночи, проследив, чтобы моих дам разместили в подготовленных для них комнатах, я вернулась в свои покои. На следующий день я приняла решение отправить их в Испанию еще до возвращения Филиппа и Безансона. После испытанных женщинами унижений Фландрия навсегда осталась бы для них кошмаром, и, честно говоря, мне не хотелось постоянно встречать их укоряющие взгляды. Я не могла позволить уехать донье Ане, учитывая ее состояние, но остальные вполне могли перенести путешествие. Снова позвав к себе мадам де Гальвен и казначея, я отдала соответствующие распоряжения. Меньше чем через неделю мои дамы были уже на пути в Антверпен, где ждал специально предоставленный для них корабль. В пути было и мое письмо, отправленное с курьером Филиппу, в котором я описала ему все случившееся. Пусть Безансон это прочтет, самодовольно подумала я.

Я назначила моей дуэнье врача, который бывал у нее каждый день. К моему облегчению, под его наблюдением она начала поправляться, хорошо ела и даже жаловалась, что не понимает ни слова из того, что говорит ей пожилой доктор.

– Хотя он прекрасно понял, когда я дала ему по рукам после того, как он попытался обследовать мою грудь, – заявила она. – Вот наглец! Можно подумать, я бы позволила ему совать руки куда попало.

Я усмехнулась про себя. К тому времени, когда вернулся Филипп, она уже выздоровела.

О том, что поздно ночью приехал мой муж, я, однако, узнала лишь на следующее утро. Быстро одевшись, я направилась в его покои. Филипп сидел в своей спальне с закрытыми ставнями, в грязной походной одежде. Рядом с ним стоял полупустой графин с вином.

Я остановилась на пороге:

– Филипп?

Не глядя на меня, он наполнил кубок, осушил его одним глотком и наполнил снова. Я подошла к нему:

– Филипп, в чем дело? Что случилось?

Вид у него был усталый, под глазами темнели синяки. Прежде чем я успела к нему при-
тронуться, он вздрогнул, встал и устремился в другой конец комнаты.

– Не сейчас, – пробормотал он. – Я не в духе.

Я замерла.

– Я лишь хотела повидаться с тобой после возвращения и поговорить о...

– Знаю, чего ты хочешь. – Он бросил на меня ледяной взгляд. – Лучше бы ты этого не
хотела. У меня и без того хлопот хватает.

– Хлопот?

Слова его столь меня ошеломили, что я даже не нашла ответа. Едва не заявила, что в его
отсутствие хлопот у меня было не меньше, но удержалась, решив, что разумнее будет просто
сесть и попытаться выяснить причины его недовольства.

– Прости, если ты подумал, будто я собираюсь тебя ругать. Уверяю, у меня и в мыслях
такого не было.

Я замолчала, чувствуя, как его взгляд сверлит меня насквозь. Он совершенно не походил
на того Филиппа, с которым я рассталась всего несколько недель назад.

– Филипп, что случилось?

У него вдруг опустились плечи.

– Конец, – негромко проговорил он. – Я ничто. Даже меньше чем ничто.

– Все нет, – возразила я. – Для меня ты – все.

– Тогда, возможно, тебе следует заседать в моих высокоуважаемых Генеральных штатах.

Он снова потянулся к графину, но я взяла его за руку и вынула кубок из пальцев. Филипп
не произнес ни слова. Я встала, глядя в его погасшие глаза:

– Тебя там настолько утомили?

Ничего удивительного: мой отец часто возмущался кастильскими кортесами, если они
отказывались одобрить тот или иной закон. Мать всегда старалась его успокоить одними и
теми же сдержанными словами: «Мы правим с их официального одобрения, как назначенные
монархи. Без их мудрых решений мы стали бы тиранами или жертвой амбиций знати». Воз-
можно, подобные чувства испытывал и Филипп: будучи эрцгерцогом, он также был вынужден
подчиняться чиновникам, которых в первую очередь заботило благополучие королевства, а
вовсе не проблемы короля.

– Утомили? – Он покачал головой. – Не просто утомили. Унизили. – В его покрасневших
глазах вспыхнула злость. – Я эрцгерцог лишь по названию, на самом же деле все приказы отдает
из-за кулис мой отец. – Он помолчал. – У меня никогда не будет того, чего бы мне хотелось.

В голосе его чувствовалась такая безнадежность, что у меня тут же возникло желание
его защитить. Он стоял, словно брошенный всеми мальчишка, спутанные волосы падали на
бледное лицо. Я взяла его за подбородок:

– Чего тебе хочется, любовь моя? Расскажи, и я дам тебе все что пожелаешь.

То были слова молодой жены, пытающейся утешить мужа, женщины, неспособной выне-
сти страданий любимого. Ради него я сейчас готова была отправиться на край земли.

– Мне хочется... – Он сглотнул. – Мне хочется свободы. Я просил Генеральные штаты
провозгласить меня полноправным эрцгерцогом, освободив от вассальных обязательств перед
отцом, чтобы я мог править Фландрией от своего собственного имени. Я сказал им, что скоро
мне девятнадцать и я вполне могу править самостоятельно. Я уже доказал это за прошедшие
годы.

– И они не согласились? – в замешательстве спросила я.

Я считала его правителем Фландрии, полагая, что он и Безансон возглавляют герцогство.
Мать говорила, что Филипп правит здесь с самого детства.

Он отвернулся:

– Мне сказали, что, пока отец не объявит меня совершеннолетним, я должен подчиняться их решениям. Я спросил: зачем насмехаться надо мной, вынуждая присутствовать на их заседании, если не в моей власти повлиять на его исход? Мне ответили, что так пожелал мой отец, дабы я научился править как положено. – Голос его стал жестче. – Как положено! Ради Христа, я всю жизнь прожил в его тени. Я всего лишь прекрасный принц в его клетке, без власти и авторитета, который играет одолженными игрушками.

Значит, он не был настоящим монархом. Он получил свой титул от отца, но на самом деле ему ничего не принадлежало. Впервые в наш идиллический мир ворвалась реальность, и я по наивности не осознала той тьмы, которую она могла породить. Мне хотелось лишь одного – вновь увидеть его улыбку.

– Ты во мне разочаровалась? – услышала я его голос.

– Нет, – тихо ответила я.

Обернувшись, он взглянул на меня:

– Даже теперь, когда ты знаешь, что я всего лишь марионетка отца?

– Ты не марионетка. Титулы меня не волнуют, Филипп. Мы счастливы вместе, и больше нам ничего не нужно.

Он грустно усмехнулся:

– Может, тебе и не нужно, но не мне. Я рожден, чтобы править. Я унаследовал свои земли от моей покойной матери, и я такой же Габсбург, как и мой отец, будь проклята его скаредная душонка. Я заслужил свою корону. Он не вправе меня ее лишать, пока не сочтет, что я ее достоин.

– Филипп, корона – вовсе не то, чем кажется. Мои родители носят короны, и что это им дало? Мать посвящает все свое время Испании, отец же месяцами путешествует по королевству, угрожая строящим козни грандам, иначе они могут счесть его слабым и попытаться устроить переворот. Легкой жизнью это не назовешь.

– Возможно. – Он снова повернулся ко мне, протягивая руку. – Иди сюда.

Я медленно подошла к нему. Он взял мои руки в свои:

– Прости меня. Ты ни в чем не виновата. Но мне хотелось бы оставить свой след в этом мире. Я не могу всю жизнь считаться необъявленным наследником своего отца.

– Ты оставишь свой след. – Я посмотрела ему в глаза. – Когда-нибудь он умрет, и ты унаследуешь его мантию. Ты будешь править всем, чем правит он, и даже большим. А я буду рядом с тобой, любовь моя.

Кивнув, он провел пальцем по моей щеке:

– Да, конечно. Когда-нибудь. – Он слабо улыбнулся. – Знаю, тебе тоже нелегко пришлось. Я получил твое письмо и обещаю, что поговорю с Безансоном, как только он вернется. Я взял его с собой, чтобы он помог мне в Генеральных штатах, поскольку понял, что сам ничего не добьюсь. Решил, что его присутствие может склонить их на мою сторону. Он все еще там, пытается стегать дохлую лошадь. Но я уверен, он не мог преднамеренно приказать так поступить с твоими дамами. Тут наверняка какое-то недоразумение.

Я прикусила губу, не став говорить того, что уже поняла: архиепископ действовал с обдуманным злым умыслом. Вероятно, он пытался разлучить меня с моими испанскими союзниками, чтобы теснее привязать к Филиппу. Но как бы он ни был мне отвратителен, я не могла ничего поделать, пока он находился в Генеральных штатах, а моих дам уже не было рядом.

Но теперь я знала, что Безансон – мой враг.

* * *

Неделю спустя мы с Филиппом ужинали наедине в моих покоях. До этого мы два-три дня провели на охоте в ближайшем лесу, взяв с собой лишь нескольких слуг. Мне не доставляло

никакого удовольствия ставить силки на кроликов или выслеживать кабанов и оленей, но, проведя какое-то время в своей стихии, Филипп вновь обрел уверенность. Наши ночи были долгими и страстными, чему помогало отсутствие обычного придворного этикета. Если честно, мне даже жаль было возвращаться: простая жизнь в лесу нравилась мне куда больше, чем дворцовая роскошь.

Мы наслаждались жареными перепелами в сливовом соусе, когда ворвалась Беатрис:

– Ваши высочества, прошу простить за вторжение, но прибыл курьер. Он говорит, у него срочное письмо.

Филипп отодвинул кресло и встал.

– Нет, останься, – сказал он мне, когда я тоже поднялась. – Сперва сам с ним повидаюсь. Может, ничего особенного. Заканчивай ужин, а я скоро вернусь.

Я кивнула, глядя на Беатрис.

– Письмо из Испании, – сказала она, едва Филипп вышел.

– Из Испании? – Я встала, уронив с колен салфетку. – Ты уверена?

– Да. Я слышала, как курьер говорил управляющему его высочества, что проскакал день и ночь из Антверпена, где его нанял посланник из Испании, чтобы передать письмо.

– В таком случае мне нужно с ним поговорить.

Я даже не знала, куда пошел Филипп, чтобы встретиться с курьером. В это мгновение дверь открылась. Увидев лицо мужа, я в страхе попятилась.

– Любовь моя... Письмо от моей сестры Маргариты. Твой брат Хуан... умер две недели назад.

Я открыла рот, пытаясь возразить, но язык мне не повиновался. Не в силах пошевелиться, я все же сумела ухватиться за спинку кресла, словно цепляясь за жизнь.

– Никто этого не ожидал, – продолжал Филипп. – Вскоре после свадьбы он слег с лихорадкой. Маргарита говорит, что сперва болезнь не показалась опасной, но за считанные часы лихорадка усилилась, и она в тревоге послала за твоими родителями. Когда приехал твой отец, было уже слишком поздно. Хуан умер у него на руках.

Я смотрела на мужа, не в силах поверить услышанному. За моей спиной судорожно вздохнула Беатрис.

Я вспомнила, как Хуан сопровождал отца в день падения Гранады, как просил меня рассказать о нем Маргарите. Мы никогда не были близки как брат и сестра. Он был наследником моих родителей, и судьба его была куда тяжелее моей. Но мы вместе сидели за праздничным столом, гуляли зимой по пахнущим лимоном садам Сарагосы, не раз вместе проводили лето в Гранаде. Впереди у него была вся жизнь. Ему предстояло стать первым кастильско-арагонским королем нашей единой Испании, которой он правил бы вместе с Маргаритой и стайкой детей.

Ему было всего девятнадцать лет.

Филипп протянул ко мне руки. Я прижала ладонь ко рту, и у меня вырвалось сдавленное рыдание. Он крепко обнял меня, и я закрыла глаза, слыша тихие всхлипывания Беатрис.

Мне даже не пришло в голову, что смерть Хуана на шаг приблизила меня к трону.

Глава 9

Миновал 1497 год. В соответствии с кастильскими обычаями мне следовало месяц пребывать в уединении, соблюдая траур. Хотя донья Ана так и не выздоровела окончательно, она настояла на том, чтобы вновь возглавить мое хозяйство. Я с радостью согласилась: хотелось, чтобы в горькие минуты рядом был кто-то знакомый. Поначалу я надеялась, что древний траурный ритуал принесет утешение, но вскоре он стал невыносим, и я позволила Филиппу ужинать со мной и играть в карты: как и любой молодой женщине, мне хотелось отвлечься от многочасовых молитв и черных одежд, которые мне приходилось носить.

Филипп терпеть не мог видеть меня в черном. Он заявил, что я похожа на ворону, и сорвал уродливый чепец с вуалью с моей головы, взъерошил мне волосы, шепча, что ему очень не хватает моего присутствия в зале. После нескольких кубков вина он неизменно становился любвеобилен и принимался нашептывать страстные слова, касаясь губами моей шеи. Донья Ана предупреждала, что я должна отклонять его ухаживания, пока не закончится траур, но в его словах и жестах чувствовалась такая отчаянная мольба, что мне пришлось уступить. Вряд ли стоило считать грехом поиск утешения во плоти, данной нам Богом. Когда Филипп заключил меня в объятия, даже не успев толком раздеться, на мою душу пролился бальзам, какого не могли дать никакие свечи и молитвы. Я решила, что горе больше не должно мешать нашей супружеской жизни и никакие правила над нами не властны. Несмотря на сердитые взгляды доньи Аны, я вернулась ко двору еще до истечения месяца. Время моего уединения завершилось.

* * *

Однажды утром в начале мая 1498 года я проснулась от приступа тошноты, заставившего меня вскочить с постели. Не успев добежать до уборной, я согнулась пополам, и меня вырвало на ковер. Вся в поту и чувствуя, как стучит кровь в висках, я снова легла, свернувшись клубком под одеялом.

Видимо, я заснула, поскольку не слышала, как открылась дверь спальни, пока не раздался бодрый голос Беатрис:

– Доброе утро, ваше высочество. Уже одиннадцатый час. Как спалось?

Запах свежеспеченного хлеба и теплого козьего сыра, доносившийся с подноса с завтраком, обрушился на меня, словно удар дубины. Задыхаясь, я перегнулась через край кровати. Желудок судорожно сжался, но извергнуть уже ничего не смог. Я со стоном откинулась на подушки.

– Да вы больны, ваше высочество! – Поставив поднос, Беатрис поспешила ко мне. – Сколько раз я говорила, чтобы вы не переедали за ужином! Это вредно для пищеварения.

– Ты прямо как донья Ана, – пробормотала я. – Похоже... кажется, у меня будет ребенок.

– Святая Мария! – Глаза ее широко раскрылись. – Вы хотите сказать...

– Да. Похоже, у меня будет ребенок.

Еще не успев договорить, я ощутила теплую волну счастья. Возможно, у меня родится сын – сын Филиппа, его наследник и прекрасная дань памяти моего брата. Я поклялась, что назову его Хуаном.

– Слава Всевышнему! – Беатрис обняла меня и тут же отпрянула. – Но вам нельзя перенапрягаться. Только взгляните на себя – вы же в одной сорочке! Простудитесь насмерть! – Она бросилась к гардеробу за халатом. – Мы найдем вам лучших повитух и самые свежие снадобья. Я слышала, ромашка может творить чудеса. Донья Ана знает, что делать. Подождите, я сейчас ее приведу.

Я рассмеялась, глядя на лихорадочные метания моей обычно уравновешенной фрейлины.

– Беатрис, у меня из-за тебя голова кружится. Успокойся. Не хочу, чтобы пошли пересуды по всему дворцу.

Она остановилась, пристально глядя на меня. Мы с ней стали практически сестрами, делись всеми секретами и иногда даже читая мысли друг друга.

– Вы ничего не говорили мужу?

– Нет. – Я осторожно встала и взяла из ее рук халат. – Возможно, я ошибаюсь. К тому же у меня может случиться выкидыш. Просто хочу удостовериться.

– Во-первых, – она высвободила мои волосы из-под воротника халата и застегнула ага-товую пряжку на поясе, – вы вовсе не ошибаетесь. Женщины хорошо разбираются в подобных вещах. А во-вторых, с чего бы у вас мог случиться выкидыш? Вы молоды. В вашем возрасте ее величество, ваша мать, родила...

– Легко, словно кобылица, – прервала ее я. – Да, я слышала, как моя мать через час после родов снова села в седло, чтобы отправиться в Крестовый поход. Но это вовсе не значит, что силой духа я могу сравниться с ней. Не забывай, у нее также было несколько выкидышей.

– Это уже позже, когда она стала старше и ей приходилось переносить многие тяготы. – Беатрис погрозила мне пальцем. – А теперь – никаких больше разговоров, будто можете потерять ребенка! Берегите себя, но вы же не какая-то малодушная фламандская девчонка! И нужно рассказать его высочеству. – Она шаловливо улыбнулась. – В конце концов, он в этом тоже поучаствовал. Мне ему сообщить?

– Нет. Хочу сказать ему сама.

* * *

Филипп закружил меня так, что я испугалась, как бы меня снова не затошнило.

– Сын! У меня будет сын!

– Этого мы не узнаем, пока дитя не родится, – рассмеялась я, но он, конечно, не слушал, лишь снова заключил меня в объятия.

– Я немедленно объявлю эту новость! Пусть все возрадуются! У его высочества и ее высочества будет сын!

Порой он напоминал восторженного, полного энтузиазма мальчишку. А когда наши губы слились в поцелуе, я начала понимать, сколь много для нас может значить рождение ребенка.

* * *

Филипп раструбил о моей беременности по всей Фландрии и собрал настоящее войско врачей, аптекарей и повитух, угождавших любому моему капризу. Мы отправились в прелестный город Лир, где, по словам докторов, воздух был здоровее для женщины в моем положении. Возвращение в просторный дворец у реки, где я впервые встретила с Филиппом, действовало на меня благотворно: с наступлением весны мои недомогания прекратились. Я часами сидела в розовой беседке с забытым вышиванием на коленях, глядя на бесчисленные тюльпаны и бархатцы в садах, простиравшихся до серебристых берегов Нете. Подобного изобилия я не видела со времен Гранады. Казалось, будто богатая земля Фландрии делится со мной своей красотой. И мне это было только в радость.

* * *

В конце апреля ко двору вернулся Безансон.

Я не простила ему случившегося с моими дамами, но, пребывая в приятном томлении из-за беременности, лишь облегченно вздохнула, когда архиепископ, поздравив меня, отправился вместе с Филиппом и советниками обсудить деловые вопросы. Когда ближе к вечеру Филипп появился после затянувшейся встречи, чтобы поужинать со мной, я не стала ни о чем спрашивать. Вид у него был усталый и озабоченный, и мне не хотелось его лишней раз утомлять. Так продолжалось несколько дней, пока однажды вечером, придя в дамате и драгоценностях в покои Филиппа для вечерней трапезы, я не обнаружила его там вместе с Безансоном.

– Думала, сегодня мы сможем поужинать наедине. – Я холодно взглянула на архиепископа.

– Так и будет. – Щека Филиппа нервно дернулась. – Но сперва прошу тебя, сядь, любовь моя. Мы с мессиром Безансоном хотим кое-что с тобой обсудить.

Архиепископ поклонился. Лицо его покраснело, тучную фигуру окутывала мантия из дорогого атласа цвета сердолика. На груди его висел украшенный драгоценными камнями крест, пальцы сверкали перстнями. Сколько бы трудов он ни приложил ради Филиппа, на его манерах это явно никак не отразилось.

– Ваше высочество, рад вас видеть. Надеюсь, вы в добром здравии?

Несмотря на его подчеркнuto почтительный тон, я заметила, как они с Филиппом украдкой переглянулись. Неужели мой муж свел нас вместе, чтобы как-то загладить его вину? Я искренне надеялась, что нет.

– Прекрасно себя чувствую, мессир. – Я погладила лежащую на моем плече руку Филиппа.

– Вот и замечательно. – Он сел напротив меня. Вошли слуги, неся кувшин любимого фламандцами водянистого эля. – Ибо врачи заверяют нас, что у вас будет сын.

При мысли, что он совещался с моими докторами, меня обдало холодом.

– Кем бы ни было дитя, мы все равно будем его любить. – Я посмотрела на Филиппа.

– Да, конечно, – быстро сказал он. – В конце концов, это наш первенец и наверняка будут и другие. – Он сдавленно усмехнулся. – Мы с ее высочеством пока молоды.

– Вне всякого сомнения, – кивнула я. – А поскольку это наш первый ребенок, нам, естественно, хотелось бы самим заниматься его воспитанием.

Глаза Безансона сузились. Он понимал меня ничуть не хуже, чем я его. В конце концов, именно он воспитал Филиппа, сделав моего мужа мужчиной. Ему явно не понравился намек, что у меня есть собственное мнение насчет воспитания ребенка и я заслуживаю несколько большего, чем роль покорной жены.

– Полагаю, мессир, на этот счет у нас не возникнет непонимания? – Я посмотрела ему прямо в глаза. – Как это случилось с моими дамами?

– Ваше высочество, то, что произошло, крайне прискорбно. – Он покраснел еще больше. – Уверяю вас...

– Что было, то прошло. – Я махнула рукой. – Прошу вас, не будем больше об этом.

Мой тон не оставлял никаких сомнений: я все равно никогда об этом не забуду, даже если решила его простить. Архиепископ наклонил голову:

– Вы более чем милостивы ко мне, ваше высочество. – Он уставился взглядом василиска на Филиппа. – Ваше высочество, может, перейдем теперь к делу?

– Да, конечно, – кивнула я, поворачиваясь к Филиппу.

Отхлебнув из бокала, тот без каких-либо вступлений заявил:

– Мы с мессиром архиепископом в последнее время обсуждали ситуацию в Испании. Учитывая, что у твоих родителей больше нет наследника мужского пола, мы полагаем, что мне можно предоставить преимущественное право на престол. Взамен мы поддержим претензии твоего отца на Неаполь против французов.

Я замерла. Речь его мне не понравилась.

– Но теперь наследница моих родителей – моя сестра Исабель.

– Ваша сестра может быть наследницей престола Кастилии, – отрезал Безансон, – но в Арагоне действует салический закон. Кортесы вашего отца никогда не признают наследницей женщину.

Я стиснула зубы. Будь он проклят! Следовало догадаться, что он вернется ко двору после неудачи в Генеральных штатах и забьет голову Филиппу своими грандиозными идеями! Я пожалела, что не отчитала его в свое время как следует: похоже, он собирался отплатить мне фальшивой монетой.

– Арагон признал мою мать, – наконец сказала я. – Почему он не может признать и мою сестру?

– Ее величество королева Изабелла носит титул королевы Арагона лишь номинально, это формальность, предписанная брачным контрактом ваших родителей. Арагон сохраняет свои права на престолонаследие.

Я гневно взглянула на архиепископа. Как он смеет читать мне лекции об Испании, будто необразованной простушке? Следовало действовать как можно осторожнее. Несмотря на внешне неформальный характер нашей встречи, я поняла, что мы вступаем на поле битвы.

– Похоже, вам многое известно о наших договоренностях в Испании. Наверняка вы также знаете, что моя сестра Исабель вышла замуж за принца Португалии. Если кого-то и следует объявить инфантом, так это его.

– Не обязательно. У Португалии и без того уже слишком много власти – хватает одних лишь ее притязаний на Новый Свет. Если очередного мужа вашей сестры объявят инфантом, после смерти родителей он присоединит Испанию к Португалии и будет править от имени жены. – Безансон вздохнул. – Смерть вашего брата – трагедия, но ее можно облегчить посредством союза Испании с нами. В конце концов, его высочество – ваш муж; вы следующая в очереди на трон, и вы уже беременны, в то время как сестра остается бездетной. Наше предложение станет благом для ваших родителей, смягчив их горе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.